

ЮЛИЯ ЧЕРНЯВСКАЯ

ЛИФТ

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Анна Николаевна.

Димон.

Игорь, муж Анны Николаевны.

Андрей, сын Анны Николаевны.

Мать Димона.

Лена, подруга Димона.

Дядя Коля.

Голоса.

Механический голос.

Марья Демьяновна.

Сцена разделена на две части: левая моделирует квартиру Димона, правая – Анны Николаевны. Посередине сцены – лифт.

Квартира Димона – "однушка", обставленная по меркам райцентровского вкуса и достатка. Она состоит из комнаты и кухни. В кухне – тюлевые гардины с фестонами, пластиковая мебель "под мрамор", мягкий угол. (Можно показать лишь кусочек кухни). В комнате (она граничит с лифтом) – насыщенно-багровые шторы, два кресла, журнальный столик между ними, диван с велюровой обивкой. На столике – пластиковые цветы. На спинке дивана – большая кукла. Много салфеток и безделушек и вообще всего того, что, по мнению хозяев, должно придавать уют. Цветы в горшках. Комната перегорожена роскошной "стенкой" восьмидесятых годов. Стенка заставлена "парадной" посудой. За стенкой – кресло-кровать. Там спит Димон.

Квартира Анны Николаевны состоит из двух комнат. Большая комната заставлена книжными полками. Вообще книги везде – на полках, на столе, на полу рядом с тахтой. Мебели мало. Большой – старый и потрепанный жизнью – письменный стол, заваленный книгами, бумагами. Старенький компьютер с маленьким экраном. Полки кое-где покосились. Выцветшие обои. На них множество фотографий. Кое-где более яркие четырехугольники: там явно висели фотографии, но были сняты. В углу – напольная ваза, в ней огромный неряшливый букет сухих, утерявших цвет роз, который собирался годы. Видно, что цветы остались от более счастливых времен и хранятся хозяйкой по инерции. На стуле вещи – частично они брошены на сиденье, частично висят на спинке. Общее впечатление запущенности. Стена (задник сцены) – балконная дверь. Намек на городской пейзаж за ней.

Соседняя комната (можно показать лишь ее угол) меньше и производит еще большее впечатление неряшества, но беспорядок там живой, юный и мужской. Сразу видно, что в ней живет молодой человек, не утруждающий себя уборкой. Постеры, компьютер (гораздо более современный, чем в соседней комнате), незастланная постель, вещи разбросаны на полу. Большой плазменный телевизор висит на стенке. Кроме компьютера и телевизора обстановка так же аскетична, как и в соседней комнате. Книг мало. Фотографий нет вовсе. Это комната сына Анны Николаевны Андрея.

Между комнатами кабина лифта – самая обычная, с ободраным линолеумом на полу, с граффити и рекламными объявлениями, усеивающими стены.

Авансцена по необходимости превращается то в лестничную площадку, то в парковую аллею, то в университетскую аудиторию и т.д. Ее не надо оформлять специально: скорее, она "подразумевается" и "играется" актерами.

Примечание: когда действие происходит на одном участке сцены, в остальных гаснет свет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

За сценой звонит мобильник. Одновременно в правом углу авансцены появляется Анна Николаевна, в левом – Димон. Димону восемнадцать лет, он ничем не примечателен – невысокий, щуплый, одет в черную куртку и в уродующую его серую шапочку, плотно облегающую голову. Анне Николаевне – сорок пять. Она высокая, ярко накрашена и броско одета. При ближайшем рассмотрении видно, что ее пальто и сапоги немодны, они явно видали виды, скорее всего, были куплены в second hand. Видно, что она привыкла следить за собой, но сейчас ей это в тягость: это сказывается в небрежности, несоответствии вещей друг другу, молодежных расцветок – уставшему лицу и сутулой спине. На первый взгляд она выглядит эффектной, на второй – слегка смешноватой. Особенно нелепо выглядит вязаная шапочка с "ушками". Пальто расстегнуто, шарф сбился, Анна тяжело дышит. Отдуваясь, ставит на пол два набитых пакета – из одного высовывается батон. Вынимает мобильник, набирает номер. Димон тоже вынимает мобильник: он-то и звонил. Лицо у Димона скучающее.

Анна слушает.

Димон (нетерпеливо). Ну... Ну. Я же сказал. В городе. Не знаю. Ничего ты мне не говорила. А так, ничего не... Чего? Слышь, не начинай, а? Вечером. Я сказал – вечером. Не знаю. Все, давай.

Прячет трубку в карман, вынимает сигареты, закуривает.

Анна (в зал). Пусто. Отключил. Все время отключает. Или просто не подходит? Видит, что я, и не подходит. А я... ладно, и сама дотащу. (Нагибается, берет за ручку пакета, приподнимает и вновь опускает. Близоруко щурится в зал, доверительно сообщает). В последнее время я полюбила говорить сама с собой. А что? Главное, никаких тебе сюрпризов. Иду себе и разговариваю. Они, конечно, шарахаются.

Нагибается, поднимает пакеты.

Анна (сдавленно от натуги). В смысле – люди.

Поворачивается спиной к залу, идет к лифту. Димон гасит сигарету пальцами в перчатке, идет за ней. В лифте Анна Николаевна с облегчением опускает пакеты на пол.

Заметка для режиссера и актеров. На протяжении всего разговора в лифте Анна спокойна, сперва равнодушна, потом даже весела.

Димон. Вам какой?

Анна. Двенадцатый.

Димон нажимает кнопку. Звук тронувшегося лифта. Затем – другую. Звук остановившегося лифта.

Димон (*вынимая из кармана что-то блестящее, продолговатое*). Тихо. Ограбление.

Анна смотрит на него. Потом молча расстегивает сумочку, вынимает кошелек.

Димон (*запоздало*). Бумажник.

Анна открывает кошелек, выгребает на ладонь деньги.

Димон (*нервно, высоким голосом*). Денег нет?

Анна (*протягивая ему ладонь*). Почему – нет? Вот.

Димон. Валюта есть?

Анна (*пожимает плечами*). Вот валюты нет.

Димон. Ладно. Из какой квартиры?

Анна. Из сто двадцать второй, а что?

Димон. Имя, отчество, фамилия.

Анна. Анна Николаевна Крапивина. А зачем тебе?

Димон (*нагнувшись к ней, с угрозой*). Пойдете в милицию – узнаете.

Анна. Что именно?

Димон (*многозначительно*). У меня есть друзья, ясно?

Анна. Ясно. Теперь все?

Димон кивает, нажимает на кнопку. Лифт не движется. Все более суетливо он нажимает на кнопки – лифт не движется.

Димон. Бли-и-ин.

Анна. Бывает.

Димон жмет кнопки.

Анна. Нижнюю нажми, там лифтерша. Если не ушла еще.

Димон (*бормочет*). Ага, лифтерша... Нашла лоха.

Анна. Ну что ж, тогда...

Димон. Что тогда?

Анна. Тогда сидеть нам здесь до второго пришествия.

Димон. Чего?

Анна. Да так. До счастливого случая.

Вынимает мобильник.

Анна (*поясняя*). Я – в аварийку.

Димон (*истерически*). Уберите!

Делает резкое движение, блестящее продолговатое оказывается ножом, приближает его к животу Анны.

Анна. Хорошо-хорошо.

Убирает мобильник в сумку.

Анна (*разводит руки*). Видишь, я чиста.

Димон молчит, тяжело дышит.

Анна. Да не волнуйся ты так. Ну хочешь, я его тебе отдам?

Димон. На фиг он мне сдался – старье!

Анна. Понятно.

Димон. Вы, главное, в сумку не лезьте.

Анна. Хорошо.

Димон. Вот так номер. Кино и немцы.

Пауза.

Анна. Он сам не пойдет. Я точно знаю. Много раз уже... Надо аварийку.

Димон жмет кнопки.

Анна. Я пальто сниму – душно. Ты меня не пырни ненароком.

Димон с подозрением смотрит на нее, молчит. Анна снимает пальто, бросает на пакеты. Пауза.

Димон. А вы чего, реально не боитесь?

Анна (*усмехнувшись*). Реально-реально. Чисто и конкретно.

Димон (*слегка обиженно*). А почему?

Анна. А почему я должна бояться?

Димон (*веско*). Другие – боялись.

Анна. А-а-а.

Димон. Может, вы думаете, что это так все?

Неопределенно крутит рукой.

Анна. В смысле?

Димон. Ну, что я как бы просто пугаю.

Анна. А ты не пугаешь?

Димон. Я не пугаю. Я могу.

Анна. А-а-а. Ну моги-моги.

Димон. Я реально могу.

Анна (*успокаивающе*). Да знаю я, знаю.

Пауза. Димон все больше нервничает – постукивает пальцами, уже без всякой надежды нажимает кнопки. Потом вынимает сигареты.

Анна. Не советую.

Димон. Чего?

Анна. Тут вентиляция нулевая. Лифт-то старый. Задохнемся.

Димон прячет сигареты. Пауза.

Димон. Не, а кроме шуток...

Анна. Что?

Димон. Совсем не боитесь?

Анна (*разводит руками*). Совсем.

Димон (*встрепенувшись*). Не вошкательсь!

Анна. Что-что?

Димон. Ну, не двигайтесь.

Анна. А-а-а.

Димон (*после паузы*). А почему? Не боитесь почему?

Анна. Может, потому что учу таких, как ты.

Димон. Так вы... это... училка?

Анна. Что-то вроде.

Анна выходит на авансцену, смотрит в зал.

Анна. ... и что же из этого следует? То, что именно благодаря воображению мы творим. Благодаря воображению мы открываем другого человека – и более того. В идеале мы дотягиваем его до своей мечты о нем... Если он дотягивается, конечно... Нет, этого записывать не надо. Мир создан Богом через воображение, и человек – настолько человек, насколько он может вообразить чувства, страдания, страхи, желания другого. (*Медленно, диктуя*) Унамуно пишет: "И это отсутствие воображения, являющегося наиболее существенной способностью человека, той, которая вводит субстанцию нашего духа в субстанцию вещей и наших ближних, это отсутствие воображения и есть источник отсутствия милосердия и любви"... отсутствия милосердия и любви... Это понятно?

Молчание.

Анна: Понятно?

Молчание.

Анна: Ну ладно, допустим, что понятно.

Возвращается в лифт.

Димон. И как они... это... учатся?

Анна. По-разному. Да ты меня никак светской беседой развлекаешь?

Димон. Чего?

Анна. Поговорить хочешь?

Димон (*развязно*). А что? Зачехлиться, что ли?

Анна. Зачехлиться?

Димон (*поясняет*). Ну типа заткнуться.

Анна. А-а-а. Да нет, отчего ж ... зачехлиться? Можно и не... чехлиться.

Пауза.

Анна. Ты, кажется, хотел поговорить?

Димон (*мрачно*). И ничего не хотел.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Димон выходит в свою комнату. В кухне хлопочет мать.

Все время, пока длится диалог Димона с матерью, в лифте гаснет свет.

Мать. Димулька, это ты?

Димон молчит.

Мать. Димульчик!

Димон. Кто ж еще?

Мать входит в комнату. Ей лет 45, она ровесница Анны, но является ее антиподом. Кажется, что они не только разного возраста, но и из разного времени. Мать Димона выглядит так, как будто она прямоком шагнула сюда из 70-х. Полная, рыхлая, но не без провинциального обаяния. Видимо, когда-то она была райцентровской разбивательницей сердец. На голове – пергидролевая "хала", глаза ярко покрашены, синие тени – словом, вид вполне парадный. При этом она в байковом халате старушачьей расцветки, расходящемся на груди и на бедрах – на два размера теснее, чем нужно. Она должна выглядеть не карикатурно, а типично.

Мать. Кушать хочешь?

Димон мотает головой.

Мать. Не замерз?

Димон мотает головой.

Мать. Все форсишь. Смотри – дофорсишься до пневмонии (*слово "пневмония" она произносит с некоторой гордостью*).

Димон молча снимает куртку, аккуратно вешает на плечики, прячет в шкаф.

Мать (*в пространство*). И хорошо бы не было чего одеть. Так ведь прошлый год покупали. На синтипоне.

Димон молчит, вид у него скучающий: этот разговор явно не впервые.

Мать. И ботинки. *(Начинает себя накручивать)*. У меня вон, помню, шуба десять лет была, с восьмого класса, еще тобой ходила в той шубе... А ему нехорошо. А у него корона с головы свалится...

Димон. Есть хочу.

Мать *(немедленно переключается. Она и далее будет легко перескакивать с темы на тему и менять тон. Кажется, две темы не могут уместиться в ее голове)*. Сейчас-сейчас. У нас сегодня макаронки. По-флотски макаронки.

Уходит в кухню. Димон подбегает к шкафу, вынимает куртку, вытаскивает из кармана деньги, несколько купюр засовывает обратно в карман, остальные сжимает в кулаке. Подходит к своему креслу-кровати, открывает отделение для постельного белья, засовывает деньги в наволочку и следует за матерью. В кухне:

Мать. Вот так, так, кушай. *(С надеждой)*. А может, по рюмашке?

Димон *(закипая)*. Не понял. Какая рюмашка, блин? Ты чего это? Ты кони двинуть решила?

Мать *(примирительно)*. Ну какие кони, Димульчик, какие кони? Это ж так просто, для разговора...

Димон. Тебе, блин, что твой псих сказал?

Мать. Все-все, ты кушай-кушай. А что он может сказать, когда я от этого самого пришла? *(Щелкает себя по горлу)*. Я знаешь как думаю? Я так думаю, что это он для денег все. Взял семьдесят тыщ и готово: закодировал. Прыгал на меня и рычал. Не, ты такое видел, сына? Темнота, значит, хоть глаз, а тут здоровая образина, прости мя Госпо..., скок и давай шипеть: не будешь пить, не будешь пить... Кодировал он – курам на смех. Так я и сама умею... Скакать. Токо стыдно. *(С надеждой)*. А знаешь, сына, он, может, ватсе перепутал: раз пришла – так значит, больная. А я, может, просто хотела, чтоб меньше, а не чтоб совсем. Это ватсе занадта – совсем. Под заборами не валяюсь...

Димон. Харе.

Мать. Что – харе?

Димон. Все харе. Про рюмашки! И про образину. Тыщу раз слышал.

Мать. Димулечка, так кому же мне еще... Я ж тебя целый день жду, покудова ты шлендраешь. И где тебя носит, это ж уму невообразимо...

Димон. Проехали.

Мать. Что?

Димон. Тему закрыли.

Мать. Ну ладно, ладно. Я же понимаю, как счас с работой. Одного в ум не возьму: чего было к Тетьвале не пойти... *(Гремит посудой в раковине, бормочет)*. Намазано ему

медом в том городе, нет бы к Тетьвале... Как рѣхнулись все с тем городом, как крышу всем поносило... А Тетьвала говорит: Света, давай своего Димку, нам работники во как нужны, так нет, он в город, медом там намазано...

Димон (встает). Ну я пошел.

Мать. Димулечка, сына, ты же только пришел...

Димон (утвердительно). Надо мне отдохнуть, я тебя спрашиваю.

Мать. Сынка, я ж тут, как сыч, все жду тебя, посидеть-поговорить, вон макарончики по-флотски, передача с Петросяном...

Димон проходит в комнату, снимает с "плечиков" куртку, обувается.

Мать. И что не одеть новую, синтипонную...

Димон резко оборачивается.

Мать. Молчу-молчу...

Димон переходит в лифт.

Мать (*берет телефонную трубку, набирает номер*). Валька, привет. Это Светка звонит. Как твое ничего? А? Ты чѐ, а я и забыла. Думала, сегодня с Петросяном. Счас, счас...

Щелкает телепультom.

Голос Регины Дубовицкой: "... программа "Анилаг". Аплодисменты.

Квартира Димона погружается во тьму.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Димон и Анна в лифте.

Димон (*вяло, без надежды, тычет в кнопки*). Не, ну я прям не знаю чего...

Анна. Могу подсказать.

Димон. Ну.

Анна. Сейчас мы звоним лифтерше. Если не откликнется – в аварийку. Они нас открывают, и мы расходимся полюбовно. Деньги – так уж и быть – себе оставь. Тебе они нужней.

Димон (*бурчит*). Нашла лоха... (*Хихикает*).

Анна. Что?

Димон. Гонит тут... (*передразнивает*) "Тебе нужней..."

Анна. А как же?

Димон. В смысле?

Анна. В самом прямом. Я же не хожу по подъездам с ножом.

Димон смеется.

Анна. Рада, что удалось тебя позабавить.

Димон. Не, ну на самделе, это ж можно в штаны накласть: вся такая – и с ножом.

Анна. Гм-м. Насчет штанов – это интересная мысль. Кстати, о такой вероятности ты подумал? В случае, если еще здесь покукуем часок-другой.

Димон. Не понял

Анна. Ну, естественные нужды, то-се.

Димон. Какие нужды?

Анна. Естественные. Не станем же мы тут прямо...

Димон (*твердо*). Надо будем – станем.

Анна. Ну, хозяин – барин. Стало быть, будем с печальным шумом обнажаться.

Димон (*настороженно*). Прикалываетесь?

Анна. Ну что ты... Ничего личного. Это у меня манера такая – ёрничать. Муж говорил, что я родилась с раздвоенным языком.

Димон (*смеется*). Класс! Это как у змеи, что ли? А где он, ваш муж?

Анна (*пожимает плечами*). Надо думать, на работе.

Димон: А чего вы про него в прошлом числе? Он живой как бы?

Анна. Ты имел в виду – в прошедшем времени? Живой-живой... Живее всех живых.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Анна выходит на авансцену. Теперь это аллея вечернего парка. Сцена погружается во тьму. Только на аллее вяло горят фонари. Анна ходит вдоль авансцены, нагибается, что-то подбирает. Потом опять. Из-за кулисы выходит высокий красивый человек, излучающий оптимизм. Это муж Анны, Игорь.

Игорь. Ну вот. Сбежала. Суп бурликает, машину заело. Варит по второму кругу – квартира порошком извонялась. Ты чего сюда..? Ты чего здесь?

Анна. Дышу. Каштаны собираю.

Игорь (*оживленно*). А я говорю: "Андрюха, да она, наверно, в парке. Схожу-ка я за ней". (*Со смехом*) Пацан сказал – пацан сделал. А ты и правда здесь. Нет, ну до чего ж я тебя знаю!

Анна. В самом деле?

Игорь пытается приобнять ее за плечи. Анна отстраняется.

Игорь. Ну-ну... ну-ну... Ежик. Всегда была ежиком.

Анна. А что, я уже умерла?

Игорь. Почему?

Анна. Ты говоришь: была.

Игорь. Раздвоенный язычок!

Анна. Это лишнее.

Игорь. Что лишнее?

Анна. Всеобъемлющее знание меня. В частности, моего раздвоенного язычка.

Игорь (*благодарушно*). Ах, Анка-Анка... Все женщины – язвы.

Анна (*закипая, но сдерживаясь*). И давно ты стал экспертом по всем женщинам?

Игорь. Ну... так сказать... имею право обобщать.

Анна. Ты погрешность не учел. Я – урод. В семье своей родной казалась девочкой чужой.

Игорь пытается ее обнять, она отскакивает.

Игорь. Не дури, а? Все равно ближе тебя у меня никого нет.

Анна смотрит вниз.

Игорь (*патетически*). Это то, что мы не имеем права утратить. Никогда. Как говорится, ни при каких независящих от нас.

Анна. Независящих? А при зависящих тоже? При зависящих мы имеем право утратить?

Игорь. Ну, Ань... Я ж тебе говорил... Это было как будто вне меня. Налетело, как саранча. Как самум. Или хамсин? Вечно я их путаю (*Его голос задушевно понижается, в нем появляются удивленные нотки*). Главное, знаешь что...

Анна. Знаю. Главное – что она тебе сначала не понравилась. Сережки. Афрокосички. Пупок пирсингованный. Впрочем, в глубине души предполагаю, что как раз пупок тебе пришелся по вкусу. Со страшной силой. Неужели нет? Неужто он не задел нежных струн твоего сердца? И они не запели небесною арфой? Нет, ты не романтик...

Игорь молчит.

Не хочешь развивать тему? Имеешь право. Ладно. Начнем с предыдущего... ммм... абзаца. Ближе меня у тебя никого нет. Ты сам сказал. Пацан сказал – пацан сделал... Ближе меня – никого... То есть она, конечно, ближе, но это уже другой коленкор. И самое интересное... если по большому счету, по самому большому, то ты прав. Ближе меня у тебя никого нет. Потому последний месяц я беспрестано слушаю оды и панегирики. Оды моему большому сердцу и панегирики ее нездешней прелести... (*Сбивается, трет лоб*). Да-да. Оды. И панегирики... Слушаю и киваю. Это потому что ближе меня никого нет. Интересно, а с нею ты тоже говоришь обо мне? Вряд ли... Она недостаточно близка. Потому с ней ты говоришь о ней. О ее курсовой. О Майкле Джексоне. О беременной кошке. Ну о чем там она еще умеет говорить? И не смотри на меня со скорбью... Сятик ты

мой (помнишь, Андрюшка не выговаривал "зайчик"?), так вот, сятник, ты, похоже, забыл, что я-то ее знаю. Вижу, так сказать, незамутненными глазами. Девочка – и девочка. Тринадцатая на дюжину. Нет-нет, я ничего, ничего... Странно было бы... Житейское дело – пришла с курсовой, ушла с мужем. Господи, сятник, ты хоть краешком мозга... допустим, есть такой, где я до сих пор еще присутствую, хоть уголочком... ты понимаешь, в какой постыдный банал меня втянул?

Игорь. Ты злая.

Анна. Ну да, раздвоенный язычок. Знаю-знаю, помню-помню.

Пауза.

Игорь (*просто*). Помнишь, когда мы сюда переехали, так радовались, что парк напротив. Ты еще говорила: ничего, что три литейки дымят, каштаны – наши спасители.

Анна (*поднимает к нему лицо*). Да.

Игорь: Это же в тот год мы ездили в Юрмалу, верно ведь? Андрюха заснет, а мы – на танцы... Помнишь, он проснулся, перетрухнул, вышел на балкон и заорал: "Люди, помогите!". Теперь бы, поди, радовался, что родаки свалили...

Анна. Соседка к нему через балконную перегородку перелезла. Честила нас по-литовски. А под конец вдруг по-русски и говорит: "Империя зла", помнишь?

Придвигается ближе.

Игорь (*снова мягким баритоном, с бархатцой*). Столько всего было! А ты от меня в парк драпаешь.

Анна отодвигается, молчит.

Игорь. Ну да, сложный период, кто же спорит. У меня, можно подумать, не сложный... Ведь ты для меня... Думаешь, не понимаю, каким я тогда был, на первом курсе? Общажный щенок. Серый, как валенок. В кремленовом костюме. Папином выпускном. (*Передразнивает себя прежнего*). "Ло-жить, бегит" (*с неприязнью то ли к себе, то ли к Анне*). Ты меня всего сделала...

Анна (*медленно*). А тебе это неприятно, да? Настоящий пацан делает себя сам. Расслабься! Ничего я не сделала. Ты хороший был – сильный и добрый.

Игорь (*задушевно*). Ньюшенька моя...

Анна придвигается. Игорь обнимает ее, как будто охраняя, баюкая. Молчат.

Анна. Мы же справимся, правда?

Игорь. Да! Да! Ты, главное, постарайся не думать об этом. Балуй себя. Живи мелочами...

Анна (*доверчиво*). Не выходит.

Игорь. Должно выйти! Вот я, например... (*тихонько смеется*).

Анна. Что?

Игорь. Знаешь, чем я сегодня занимался? Не поверишь! Котят из пипетки выкармливал! У них еще глазки не проклюнулись, потешные такие...

Анна отстраняется.

Игорь. Ты чего?

Анна молчит.

Игорь (*растеряно*). Ну вот... что ни скажи – все тебе не нравится.

Анна (*медленно, спокойно*). Окотилась, значит. С прибавленьцем.

Игорь. Вот! В этом ты вся! Все с подъелдыковкой, все с подковыркой! Мне еще мать говорила: кого ты, сына, выбрал, она ж не нашего кроя... простая была женщина, а в самый корень: кроя, говорит, не нашего... а я-то глаза растопырил, уши развесил... я же таких никогда не видел... ну и кто ты сейчас? Кандидат наук, блин, болтологических? Так и я... тех же болтологических, только мне на это дело положить... Что, скажешь, ты за меня диссер написала? Ну скажи, скажи! И про диплом вспомни-не забудь!

Анна молчит.

Игорь. Нет уж, ты скажи! Ну что, что за гордыня такая? Правильно мать тогда... не нашего, мол, кроя. Она, мол, нас презирать будет.

Анна. Я любила Софью Степановну.

Игорь (*накручивая себя*). Любила... Да что ты в этом понимаешь!

Анна. Ты зато понимаешь...

Игорь. Да! Я понимаю! Теперь понимаю! Это когда тужиться не надо, пыжиться, из себя выскакивать! Когда просто живешь! Просто! И не думаешь – "класть" или "ложить".

Анна. Я тебя когда-нибудь поправляла?

Игорь. Ну да, как можно, это же неинтеллигентно... Ты не поправляла... Только фразы через две вворачивала это поганое "класть"! Как бы ненароком! Как бы невзначаем! Тьфу ты, невзначай!

Анна. Не понимаю...

Игорь. Не придуривайся. Чего ты не понимаешь? Что я с деревни Тузлы, а ты со столицы?

Анна (*механически*). Не понимаю, в чем моя вина. В том, что я из столицы? Или в том, что ты из деревни?

Игорь. Ну вот, опять! Всобачила свое "из"...

Анна. Я об этом и не думала...

Игорь. Фря! Вот ты кто – фря!

Анна (*медленно*). Бедный ты мой бедный... Двадцать пять лет с фрёй.

Игорь. И бедный! И с фрэй!

Выдыхает, вытирает лоб ладонью.

Игорь. Вот взять, к примеру, сейчас... стою тут, а в башке крутится: блин, платка не взял, ладошкой утираюсь! Взрослый человек, директор по маркетингу...

Анна. Слушай, взрослый человек, директор по маркетингу...

Игорь. Что?

Анна. Уходи, а?

Игорь (*виновато, чувствуя, что наговорил лишнего*). Ладно, я и правда пойду. Тебя ждать или ужинать?

Анна. Ты совсем уходи, а? Вот поужинай – и уходи. Я погуляю пока.

Игорь. Не понял...

Анна. Понял-понял.

Игорь (*медленно*). Ага. Вот мы как. Фэйсом об тэйбл. Ничего-ничего... Ну что ж... (*дурашливо напевает*) неудачу эту мы переживем.

Анна. Вне всяких сомнений.

Игорь. Ну смотри...

(Уходит).

Анна (*присаживается на корточки, подбирает каштаны. Движения нервные, суматошные, каштаны вываливаются из карманов, она снова подбирает. Объясняет непонятно кому*). А каштаны – это дедушка меня приучил. Каждую осень ... наверно, это ему о чем-то напоминало: может, как деревенским мальчишкой по грибы ходил? Или просто потому что красивые... Самые коричневые. На свете. Идеальные. Красота. Дармовая ... Нет, я ничего, ничего... Просто я беседую... сама с собой, глупая привычка... что, уже говорила? Прощу прощения. (*Встает, каштаны высыплются из карманов, Анна не замечает*). А глазки... глазки проклюнутся, куда денутся... Ничего-ничего. Так и запишем: ушел к кошке. (*Смеется*). А может... не ушел? (*Резко поворачивается, делает несколько шагов вслед Игорю. Останавливается*). Утром запах одеколona. И звук – словно змея шипит... Пульверизатор. Он раньше никогда, не любил, все дареные – в шкафчик... вот, пригодились... Главное, брызгается сильно. Как молодой тюлень. Целый день потом – и никакое проветривани... А-а, он хочет, чтобы к вечеру осталось, ей, наверно, нравится... Кошке... При чем тут кошка, Алисе нра...

Телефонный звонок. Анна поспешно вынимает трубку.

Анна (*торопливо*). Что? А-а... (*Упавшим голосом*). Зачем старое? Возьми новое. Там два комплекта, один вообще неиспользованный, в ромбики... Да-да, в упаковке. Что? Конечно, ты же знаешь, я не слушаю, когда мне слушать? Ну и диски, да... зачем мне

диски без центра... нет, Меркури не трогай, это Андрюшкин, он меня живьем сожрет... да-да, это можно. Ага. Ну пока.

... о чем это я? *(Ее речь постепенно ускоряется)*. Что я к ней прицепилась, к кошке этой несчастной? Что я на него накинулась? Он просто привык, привык мне все рассказывать... взаимная исповедь в девятнадцать ноль-ноль, дополнительное блюдо к ужину... а потом ужины стали короче, работа... директор по маркетингу. А когда раскололся, ну, насчет кошки, с кошки-то и началось, тогда, за чаем, они кошатники, я тогда молчала, устала править ее курсач... ну что я пристала к этой кошке... да, так о чем я? А-а-а, вот. После всего... после того, как он раскололся... О чем я? Ну вот, тогда ужин опять растянулся, бывало даже, что на всю ночь... В смысле – разговор. Я же сама сказала: ты только не ври мне. Вот он ... Как говорится, за что боролись... Может, надо было завести кошку? Я вообще-то люблю собак...

(Звонок. Анна хватает трубку, пытается говорить размеренно, спокойно). Да. Ну конечно, это же я тебе подарила... Что? Кофейный? Ну да, ты же знаешь, я не люблю, пью только из своей желтой. Ничего, что-нибудь придумаю... Что-нибудь... А я тебя нормально слышу. *(Громче)* Что-нибудь придумаю, говорю. Какие уж там у меня гости, Игорь, какие гости ... *(Нажимает на кнопку. Зеленое оконце телефона гаснет)*.

Я говорю: что ж, значит, все. А он... Он перепугался тогда: нет-нет, я без тебя не могу, я пропаду, то-се... Не заставляй... ты только не заставляй меня выбирать... А дня через три – уже торжество, даже вызов: видишь, я не спешу выбирать. Словно санкцию свыше получил. А может, не свыше... может, от меня и получил.

(Звонок). Да. Ну поставь пока к Андрюшке. Ничего с ним не сделается, он не заметит, пара лишних коробок в его-то бардаке... И еще... ты мои подарки сегодня все забери, ладно? Да-да. Не влезет? А что не влезет – завтра, пока пусть у Андрюшки... да, завтра я поздно буду, дела...

(Доверительно сообщает залу). Какие дела, ну какие дела? Я просто... Просто хожу. Тепло. И каштаны... И знаете что? На улицах полно женщин за сорок. Я думала: город уже не наш. Андрюшкин. Его сверстников. Что на скамейках с ногами, с пивом. Иногда подумаешь – это ж мои. Это им я про Ясперса... И, вроде ведь понимают. Да, о чем я? А-а, о женщинах. У них тоже вены, сейчас, когда без колгот, видно. И с весом не очень. И волосы...

Я когда смотрю на них, думаю: "Братья вы мои братья". Смешно. По логике же, сестры... *(Пожимает плечами)*. В "сестрах" что-то мелодраматическое... Сестры обнимаются и рыдают. Нарыдаются и скок на другое... на бритые ноги, например. Вот в

больнице, там все сестры. А братья – это другое. Без трепа (*Ходит по сцене, говорит машинально, в такт словам*). Без трепа. Без трепа... (*Останавливается*).

А если без трепа, так он же знает. В смысле, что никаких у меня таких дел... это же не ноябрь, когда дурдом – семинары с заочниками... это же сентябрь, вольная жизнь. Четвертый месяц лета. Мы даже брали отпуск на бархатный сезон. Раз или два... Забыл? Так быстро? Это знаете как? Как будто сместилась ось... внутренняя ось. Есть же в нас эта ось? Какая-то должна быть... вот она и сместилась. Его развернуло, и я осталась за кадром. Зато кошка – в кадре... Ну что я психую, с чего я вцепилась в эту несчастную кошку?!

Нагибается, подбирает каштаны.

(*Сообщает залу*). Он вообще-то добрый. Это я допытывалась... допытывалась – и вмиг все куда-то... В один вечер. Ось сместилась. Он не понимает. Он правда не понимает: просто ось сместилась, и меня не видно. Меня надо домысливать. Воображать... отсутствие воображения и есть источник отсутствия милосердия и любви... Откуда это?

С силой бьет себя кулаком по коленке.

Заемные слова! Все заемные слова!

Направляется к лифту. Фонарь с особенной, предсмертной какой-то силой мигает. Сцена погружается во тьму. Раздается звонок, высвечивается зеленое оконце мобильного. Остальной разговор – в темноте.

Анна. Да, Андрей. Я знаю. Да. Да. Это же только на день, он завтра забе... Ну я не знаю. Ну прими ее в моей комнате... Когда? Поздно. Часа три можешь чувствовать себя в безопасности... Хорошо, четыре... Что? Не наглей... Нет. Потому что потому... это пока и мой дом тоже... (*напряженно*). Объяснить? Что объяснить? Какие могут быть объясне... Хорошо, объясню. Тебя не волнует, что мать полночи одна по улицам...? Ах вот оно что... ну да, твоя правда, это точно, и впрямь – никому, хотя это на любителя вообще-то... всякие встречаются... маньяки, геронтофилы... Четыре часа и не минутой боль... Не обсуждается. Слушай, отец там далеко? Как, уже?

Спустя несколько секунд оконце трубки гаснет.

Анна (*растерянно*). Ну вот. Пацан сказал – пацан сделал. (*Кричит*) Пацан сказал – пацан сделал! Пацан сказал...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Свет зажигается. Лифт. В нем Анна и Димон. Оба сидят на полу. Димон вздыхает, поглядывая на сумки с продуктами.

Анна. Да возьми уже...

Димон. Что, реально? Можно?

Анна. Реально-реально. Чисто-чисто и конкретно-конкретно.

Димон вытаскивает батон, отрывает кусок, заталкивает в горло. Икает.

Смущенно смотрит на Анну. Продолжает икать.

Анна. Там минералка есть.

Димон вытаскивает бутылку, открывает, заглатывает полбутылки, кашляет.

Анна. Эй, поосторожнее...

Димон *(икая)*. Вам жалко?

Анна. Жалко? Чего жал... А-а. Дурак ты, мальчик. Я о другом. Естественные надобности, они, товарищ мой крылатый, не дремлют. А вот этого я уж точно не вынесу.

Димон. Вы, извиняюсь, не ссыте...

Анна. Именно. Я-то продержусь, а вот насчет тебя...

Димон *(смеется)*. Да не, я не в том смысле, не ссыте, что не ссыте... я как бы хотел сказать, не бойтесь. Ик!.. Я.. ничего... по здоровью крепкий. Могу долго... ик!

Анна. Уволь меня от деталей.

Димон. Ик!

Анна. Что ж, понадеемся на твой юный организм. Глотни еще...

Димон. Не-а. Вроде, все уже. Такой, извиняюсь, отстой этот ваш боржом. И как вы его пьете?

Анна. Я не пью. Муж любит.

Димон. А-а-а.

Рвет зубами батон.

Анна. Там колбаса. Нарезка. Удобно.

Димон *(тянется к сумке. На полпути его рука застывает)*. Не. Колбасу не буду.

Анна. Непостижимый нравственный закон.

Димон. Чего-чего?

Анна. Это дедушка Кант. Верней, прадедушка. У современного человечества... как тебя звать-то?

Димон. А вам зачем?

Анна. Надо же к тебе как-то обращаться.

Димон. Ну, допустим, Артур...

Анна. Допустим? Ну допустим. Так вот, Допустим-Артур, у современного человечества есть прадедушка и дедушка. Прадедушку звали Кант, а дедушку – Фрейд.

Димон *(оживляясь)*. Фрейд? Я Фрейда знаю. Он – про секс.

Анна. Ну да. В общем и целом...

Димон. Так что?

Анна. Кант все удивлялся тому, что есть небо.

Димон. А чему, извиняюсь, удивляться? Есть Бог, значит, и небо есть. Без проблем.

Анна. Ну вот. Выходит, ты умнее Канта. У него-то как раз с проблемами... Он, видишь ли, удивлялся и тому, что Бог есть. То есть, даже не удивлялся, а удивленно радовался... Благоговел... Ладно, что это я лекцию тебе читаю?

Димон. Не, вы говорите. Это ничего, даже прикольно. Радовался, значит?

Анна. Прикольно? М-да. Можно и так сказать. В общем и целом...

Димон. А что за закон?

Анна. Нравственный. Он, этот самый, прадедушка-Кант, больше всего дивился двум вещам: есть небо. До того соразмерное, до того гармоничное, что ясно: оно не само возникло, оно создано, понимаешь?

Димон. А чего тут понимать? Не дурак.

Анна. Вот и ладушки.

Димон. А вторая вещь?

Анна. А вторая – нравственный закон. Что люди откуда-то знают, как правильно поступать. Даже если очень и очень хочется – неправильно...

Димон. Лох ваш прадедушка.

Анна. Почему?

Димон. Да потому что ежу понятно: из-за Бога, есно.

Анна. В точку.

(Пауза).

Димон. А я тут, извиняюсь, каким боком?

Анна вопросительно смотрит на него.

Димон. Ну вы сказали: нравственный закон... Не... непа... Какой-то... Про меня.

Анна. А-а-а. Непостижимый. Ну ладно. По лифтам промышляешь?

Димон мрачно молчит.

Анна. С ножичком играешься?

Димон молчит.

Анна. Получку мою отнял?

Димон молчит.

Анна. А колбасу брать стесняешься. Непостижимый и есть.

Димон *(обиженно)*. Не буду я колбасу.

Анна. Зато я буду. Дай мне пакетик, будь любезен. И оторви батона. Странно, я почему-то есть захотела...

Димон. У меня руки грязные.

Анна. Не робей. Если уж мы совместно размышляем о естественных нуждах и о Канте, так, почитай, побратались... И микробами тоже.

Димон шарит в пакете, вынимает пакетик колбасы, отрывает кусок батона, протягивает Анне. Едят.

Димон. А Фрейд?

Анна. Пытливый же у тебя ум, братец-Кролик...

В лифте темнеет.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Высвечивается квартира Димона.

Слышен скрежет ключа в замочной скважине. Открывается дверь, входят Димон и Лена. Снимают куртки и кроссовки. Лене лет 17, но выглядит она старше из-за обилия косметики. Она представляет собой уменьшенный и суженый в объемах двойник Матери Димона: видимо, вкус в городке за последние десятилетия не изменился. У Лены ослепительно белые, падающие на плечи волосы и большая, стоящая торчком грудь. Она в обтягивающей трикотажной кофточке и в тугих джинсах. Лена садится в кресло, нога на ногу. Качает ногой. Димон садится напротив.

Лена (*лениво*). Так я не поняла, она, как бы, не придет?

Димон. Не. Она в деревне, у бабки. Картоху собирает. А я соскочил.

Лена. Мы в ту субботу ездили.

Димон. В ту – рано. Сейчас – в самый раз.

Лена. И ничего не рано. У нас картошечка одна в одну.

Молчат.

Димон. Чаю? Кофе?

Лена. А у тебя растворимый или заварной?

Димон. Растворимый.

Лена. Тогда чаю. А у тебя черный или зеленый?

Димон. Черный.

Лена. Тогда не надо.

Димон. Может, конфет?

Лена. А у тебя какие?

Димон. Ассорти.

Лена. Можно.

Димон вытаскивает из буфета большую коробку, открывает.

Лена (*копаясь в коробке*). Тут только "Ромашка" осталась.

Димон. Так это же с мамкиного дня рожденья коробка, с апреля. А после еще мой был, в июне. Подъели уже.

Лена. Не, я "Ромашку" не люблю.

Димон (*с надеждой*). Лен, ты, может, выпить хочешь?

Лена. Ага, я выпью, а ты потом...

Димон. Что?

Лена (*мрачно*). Приставать будешь.

Димон мотает головой.

Лена. Тогда можно.

Димон идет к буфету, вынимает бутылку, два хрустальных фужера. Потом бежит в кухню, выносит поднос, ставит на него фужеры и спиртное, водружает на журнальный столик.

Лена (*оглядев бутылку, мечтательно*). Недавно португальское пила, пинто. Такое розовенькое... Прямо с Португалии. А еще французское. Такое красненькое. Прямо со Франции (*вздыхает*). Ну ты чего? Наливай.

Димон поспешно наливает. Пьют.

Димон. Музыку включить?

Лена. Можно.

Димон щелкает магнитофонной клавишей. Раздается рэп. Лена начинает подтанцовывать, сидя в кресле. Димон, крякнув, будто на что-то решился, выходит на середину комнаты и начинает плясать. Танцует он хорошо, затейливо, озорно. Уходит его скованность, топорность. Сейчас он кажется почти красивым.

Лена (*хлопает в ладоши*). Прикольно! (*Потом вспоминает о солидности, с которой, видимо, привыкла вести себя в присутствии мужчин, сдержанно*). Типа, ничего так, умеешь.

Димон запыхавшись садится, залпом допивает вино из фужера, наливает еще, пытается налить Лене. Музыка затихает, становится еле слышной.

Лена. Куда? Не видишь – у меня нОлито.

Димон. Так я же только освежить...

Лена. Освежить можно.

Димон (*пытается вести светский разговор*). Слыхала, двадцатого "Прибамбасы" выступают.

Лена. В городе?

Димон. В городе.

Лена. Дорого, наверное.

Димон. Дорого.

Лена. Они как бы ничего себе.

Димон (*строго*). По мне, так ваще мегагруппа!

Лена. Ну.

Димон. Может, съездим?

Лена. Так дорого же.

Димон. Мои проблемы. Съездим?

Лена. Можно.

Димон. Сто пудов?

Лена. Ну ладно.

Димон (*ободренный*). Тогда я завтра сметаюсь, куплю билеты.

Лена. Слушай, Димон, а как там с работой?

Димон. Где?

Лена. В городе.

Димон. Нормально.

Лена. Я вот думаю.

Димон. Кем?

Лена (*мечтательно*). Может, менеджером?

Димон. Это вряд ли. Менеджеров там, как грязи. И все с высшим.

Лена (*со вздохом*). Тогда секретаршей.

Димон. Там этих секретарш, и все...

Лена. Тогда официанткой.

Димон. Официанткой?

Лена. А чего?

Димон. Ну как бы...

Лена. Чего?

Димон (*мрачно*). Сама знаешь.

Лена (*запальчиво*). А здесь, можно подумать, нет? Я когда со смены иду, так вечно какой-нить хмырь... А между прочим, темно, все дрыхнут, а если и не дрыхнут, так кто выйдет? Ори – не ори. Только собаки гавкают... А он, между прочим, прицепится типа банный лист... Вчера вон пришлось реально драпать. Хорошо – накирнутый был, отстал.

Димон. Я тебя провожать буду.

Лена. Ты?

Димон (*обиженно*). А что?

Лена. Да ничего.

Димон. Нет уж, ты говори.

Лена. Они тебя в два раза ширше. И выше – тоже в два.

Димон. Ну и что... Я ловкий как бы.

Лена. Ага, ловкий.

Димон (*мрачно*). Не был бы ловкий – фиг бы устроился. Там знаешь какие нужны?

Лена. Какие?

Димон. Ловкие.

Лена. А не боишься?

Димон (*настороженно*). Чего?

Лена. Ну, что сорвешься.

Димон. С чего бы это?

Лена. На высоте же... Это ж пока ее повесишь...

Димон. Кого?

Лена. Дурак ты какой-то. Да рекламу твою!

Димон (*с облегчением*). А-а-а... Да нет, вроде. А чего бояться? Нас навыкам обучали.

Лена. Каким?

Димон. Промышленного альпинизма.

Лена (*по-бабьи сочувственно*). А все равно. Трудные это бабки.

Димон. Ну в общем ...

Лена. И много выходит?

Димон. По-разному. За прошлую неделю почти что на мартенсы... Завтра еще... это... малек подработаю и как раз.

Лена. Круто! Мартенсы – это же по сто пятьдесят?

Димон (*презрительно*). Это на рынке по сто пятьдесят, шило ихнее. Я в бутик пойду. Там двести девяносто восемь.

Лена. А все равно. Опасные это бабки.

Димон (*хорохорится*). Кто не рискует, тот не пьет. Выпьем?

Пьют. Лена внезапно смеется.

Димон. Ты чего?

Лена. Да так. Спомнилось.

Димон (*похихикивая*). Чего?

Лена. Как ты в третьем классе через козла прыгал. И застрял. Ловкий!..

Димон (*мрачнеет*). Это не я был.

Лена (*смеется*). Ты-ты...

Димон. Не я.

Лена. Ты!

Димон. Не я!

Лена. Ты!

Димон хватает Лену, прижимает к себе.

Лена. Отпусти, дурак!

Димон (*сквозь зубы*). Говоришь – ширше? Говоришь – выше?

Лена. Отстань, чокнутый!

Димон. Это я – чокнутый?

Обрушиваются на пол.

Димон (*бормочет*). Ну и пусть – чокнутый! Ну и пусть – застрял. Этот козел вообще-то... я тогда мелкий был...

Лена. Дурак! Пуговку оторвал.

Димон. Дурак-то дурак, зато умный.

Лена. Ага, умный! Пуговку оторвал...

Становится на корточки, ищет пуговицу. Димон присоединяется. Оба ползают по полу.

Ленка. Ужас какой-то. Типа как дети. Как в пятом классе... Дурак-дурак!

Димон (*бормочет*). Умный-умный... Если бы ты знала, если б ты только знала, Ленка, до чего я умный... Все рассчитываю. Ночи не сплю – рассчитываю.

Лена. И что ты рассчитываешь?

Димон. Ну... это... все. Будущее.

Лена (*умудренно*). Будущего не считаешь.

Димон. Почему это?

Лена. Потому что карма!

Димон. Чего-чего?

Лена. Карма! А говоришь – умный. Умный-умный, а дурак! Кармы не знаешь!

Димон. Ум... Лен, гляди, нашел!

Потрясает пуговицей, зажатой в руке. Лена – тоже на коленках – ползет к нему.

Оказываются на середине сцены.

Димон. Скажешь, не умный? Я тогда твою пуговку... Фиг ты увидишь тогда твою пуговку...

Лена (*смеется*). Да ладно, умный!

Димон (*требовательно*). Еще.

Лена. Да умный, говорю же! Особенно по алгебре.

Димон. Все напутала. По геометрии. У меня мышление стерео... (*трет лоб*) ... как там? Забыл... Лен, как там математичка говорила: у тебя мышление стерео...

Лена (*упрямо*). По алгебре. Я у тебя алгебру скатывала. А геометрию – у Васьки Ждана. Он тоже в городе. На матфаке.

Димон. Слышал.

Лена. Как приедет – так первым делом ко мне. Если клиентов нету, поговорим иногда.

Димон. Тоже мне – первым делом! Первым делом, потому что ты прям на станции... опять же, билет на обратно без очереди продашь.

Лена (*сердится*). И не поэтому!

Димон. Поэтому-этому.

Обнимает Лену.

Лена. Не поэтому.

Димон. Поэтому. Да ну его, Ваську! За мамки-папкины деньги любой дурак умный.

Лена хихикает.

Димон. Ты чего?

Лена. Он такой хаер отпустил, длиньше моих... Ленточкой перевязывает.

Димон (*хмуро*). Гомосятина.

Лена (*сурово*). Фу! Чтобы я таких слов никогда!

Отодвигается. Пауза.

Димон. Лен...

Лена. Чего?

Димон. Знаешь, что мне в тебе нравится?

Лена (*заинтересованно*). Что?

Димон. Что ты строгая.

Лена (*польщенно*). А я строгая?

Димон. А то...

Целует Лену.

Лена. Мне тоже как бы ... Что ты серьезный, а не как некоторые... Рассчитываешь все... Думаешь.

Дверь распахивается. Входят Мать Димона и Дядя Коля, он очень грязен.

Мать (*радостно*). Ой! Детки!

Лена. Здравствуйте, тетя Свет! Здравствуйте, дядь Коль!

Димон. Ты же говорила – завтра.

Мать (*смеется*). А меня дядя Коля подвез... Думаю: а и впрямь, чего там ночь куковать! Прокачусь, как говорится, с ветерком... Вот и прокатились... с ветерком. Завязли мы (*Смеется*). Тросом нас тащили! Хорошо хоть остановились, сейчас же люди какие... никакие сейчас люди.

Димон. А-а-а.

Лена. А-а-а.

Дядя Коля. Ты чьих-то?

Мать. Да Рыхлых же! Не узнал? Это Ленка, Пети Рыхлыха дочка.

Дядя Коля. Уй, блин...

Мать (*весело*). Не узнал! Не узнал!

Димон (*хмуро*). Опять?

Мать (*виновато*). А я что? Я ничего...

Дядя Коля. Ты мать-то не строй, поэт!

Мать. Я ничего, я только пива маленько...

Лена. Пойду я.

Мать. Ну что ты, детонька! Куда? Раненько-то еще. Я сейчас картошечки, только с-под земли... Сальца... Огуречики вскрою. Посидим по-людски.

Дядя Коля. А что? Мать дело говорит...

Димон (*гордо*). Ты погоди, Лен. Я тебя на такси отвезу.

Лена. Ой... Дим, ты чего? Тут ходу пять минут.

Димон. Сказал – отвезу, значит – отвезу...

Дядя Коля. Гля, барин!

Мать. Так они ж возле станции такси, далеко ведь?

Димон. Ничё. Прогуляемся...

Мать. Так в другую же сторону.

Димон. Все, сказал. Погоди-ка, Лен.

Идет за шкаф, стараясь вести себя тихо, поднимает сиденье кресла-кровати, шарит в наволочке, вынимает деньги, отсчитывает несколько купюр, опускает сиденье. Подумав, опять поднимает, вынимает еще купюру, засовывает в карман, выходит. Все это время Лена неторопливо одевается. Димон срывает куртку с вешалки, уходит.

Дядя Коля. Вот так так!

Мать. А что?

Дядя Коля. Воли понабрались...

Мать. А и что с того, что воли? Большие уж... Самообеспеченные... Грамотные.

Нагибается к журнальному столику, убирает фужеры. Дядя Коля подходит сзади, крикнув, обнимает ее.

Мать. Ой, Коль... Срам какой...

Дядя Коля (*бурчит*). И чего срам? И ничего не срам...

Мать (*неуверенно*). Старички мы уже.

Дядя Коля. Какие, блин, старички? Ты мне это брось – старички... Ты, это, Светк... для меня все равно, как в восьмом классе, на последнем звонке. Помнишь последний-то?

Мать (*кокетливо*). Не-а.

Дядя Коля. А я не забыл, блин. Это ж тридцать лет с гаком, а я не забыл... Такое мини-мини. И ноги-ноги... (*Умиленно*). И бантик, как у первоклашки. Бантик-то хоть помнишь?

Мать. Бантик, вроде, помню... Белый?

Дядя Коля. Розовый...

Рывком переворачивает Мать лицом к себе, прижимает.

Мать. Ну ты чего, Коляш? А, Коляш... Ну давай по-людски. Ты руки помоешь. Я картошечки пожарю, сальца... огуречики открою...

Свет в квартире Димона гаснет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Освещается кабина лифта. В лифте Димон и Анна.

Димон. А вы на такси часто ездите?

Анна. Бывает, а что?

Димон (*гордо*). А я часто.

Анна. Ясненько.

Димон. Чё вам ясненько?

Анна. Ясненько, куда мои деньги пойдут.

Димон. И ничего не пойдут... И ничего не туда...

Анна. А куда?

Димон. Вам дело?

Анна. А кому же? Деньги-то мои. В том числе.

Димон. В каком еще числе?

Анна. Не первую же ты меня... окучиваешь. Сам говорил, что и другие были.

Димон. Во класс сказала! Окучиваешь...

Анна (*задумчиво*). Отсутствие воображения и есть источник...

Димон. Чего-чего?

Анна. ... отсутствия милосердия и любви.

Димон пытается отодвинуться, что, естественно, не получается.

Не бойся. Я не спятила. Просто иногда говорю сама с собой.

Димон. А зачем?

Анна. Не знаю. Может быть, затем, что тогда я уверена в том, что меня услышат?

Димон. Вот даёте! Не, вы точно чумовая.

Анна. Не пойму – это комплимент или приговор.

Димон. Чего?

Анна. Не обращай внимания.

Димон. А это тоже, что ли, прадедушка?

Анна. Какой прадедушка?

Димон. Кант.

Анна. Что именно?

Димон. Про отсутствие любви.

Анна. Нет, это другой.

Димон. Много их.

Анна. Много.

Димон. Трудно запомнить, наверно.

Анна. Трудно.

Димон. Учите, что ли?

Анна. Учю.

Димон. Наизусть?

Анна. Бывает, и наизусть. Но это само запомнилось.

Димон. А почему?

Анна. Что – почему?

Димон. Запомнилось.

Анна. А-а-а. Как бы тебе объяснить...

Димон. Да легко! Я вам не баран. Я межпрочим, умный. Математичка говорила, что у меня мышление стере... стерео... забыл.

Анна. Стереоскопическое?

Димон (*радостно*). Ну!

Анна. Тогда и впрямь умный. Поумней меня. У меня стереоскопическое – нулевое.

Димон (*недоверчиво смеется*). Пургу метете?

Анна. Чистая правда. Я по стереометрии только одну задачу могла решить. Ту, что после теоремы, на одно действие. А следующую, на два, уже не могла.

Димон. Ну да?! Как же вы в институт поступили?

Анна. Выбрала тот, где математику не надо было сдавать.

Димон (*покровительственно*). Ничего. У меня есть одна знакомая, так у нее с математикой тоже кранты. А вобще-то она умная.

Анна. Значит, не все еще потеряно. Значит, и у меня есть некоторые надежды.

Димон. Ну!

Анна. Слушай, не надоело тебе еще?

Димон. Чего?

Анна. Да сидеть тут?

Димон. А что?

Анна. Давай в лифтерку позвоним. Насчет денег ты не волнуйся. Я же пообещала...

Димон. Нет.

Анна. Никак не пойму, на что ты надеешься? Что само как-нибудь рассосется?

Димон *задумывается*.

Анна. Так что же?

Димон (*раздраженно*). Сказал – нет, значит – нет.

Анна. Понятно. Пацан сказал – пацан сделал?

Димон (*смеется*). А вы правда прикольная!

Анна (*устало*). На том стоим.

Димон. Небось, у учеников научились?

Анна. Чему?

Димон. Говорить по-нашему.

Анна. Почему у учеников? У меня сын есть... Впрочем, это не от него... Если ты на предмет пацана.

Димон (*удивленно*). Сын?

Анна. Тебя это удивляет?

Димон. А сколько ему?

Анна. Восемнадцать.

Димон. Как мне... Во даете!

Анна. Да в чем дело-то?

Димон. Вы... это... не обижайтесь. Только непохожие вы на мать.

Анна. А что? Матери обладают характерными внешними отличиями?

Димон. Чего?

Анна. Постой, дай догадаюсь... Матери, они такие... объемные (*разводит руками*). И волосы у них белые. Или желтые? И прическа вот такая (*показывает*) высокая, да?

Димон смотрит на Анну во все глаза.

И одеты иначе, верно? Пальто пуховое, серое или зеленое.

Димон. И ничего не серое... Голубое.

Анна. И шапка из песка.

Димон. Нету у нее песка.

Анна. Что ж, спишем на допустимые погрешности.

Димон (*мрачно*). Сносила она песка, в деревню отвезла. А откуда вы...?

Анна. А это, допустим-Артур, как раз оно и есть.

Димон. Кто оно?

Анна. Воображение. Отсутствие которого – источник отсутствия милосердия и любви.

Димон. Это как?

Анна. Да просто. Когда ты в два часа ночи под чужими окнами, напившись, орешь...

Димон. Не ору я!

Анна (*успокоительно*). Орешь-орешь. Орешь – и мысли не возникает, что там такие же мамы с бабушками, как у тебя самого. У тебя бабушка есть?

Димон. Ну. Токо она в сельской местности.

Анна. Что и требовалось доказать.

Димон (*мрачно*). Я не пью.

Анна. Ага. Только выпиваешь.

Димон. Я не ору. Я спокойный.

Анна. Ну, ладно. Изберем другую систему доказательств. Когда ты ножом меня пихал, у тебя же в голове, вот той, что под шапкой, даже не шелохнулось: а может, она тоже чья-то мать? Как твоя...

Димон (*упрямо*). Не похоже вы на мать.

Анна. Ага. Тогда, значит, можно и ножом?

Димон. А как его звать?

Анна. Кого?

Димон. Сына вашего...

Свет в лифте гаснет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Зажигается свет в квартире Анны. В комнате Анны пусто. Андрей сидит в своей комнате у компьютера. В ушах наушники. На экране какая-то игра.

Андрей (*бормочет*). А если я так? Ага... У-у-у, морда, вот ты как! А я тебя, урод...
Ах ты падла...

Анна входит в свою комнату: спина сгорблена, на лице выражение спокойной привычной безнадежности. Садится на крутящийся стул, включает компьютер. Крутится на стуле – туда-сюда, туда-сюда.

Анна (*зовет*). Андрей! (*Повышает голос*). Андрей!

Андрей (*в своей комнате*): Вот падла, выкрутился... Ничего, счас я тебе по сусалам, по сусалам...

Анна встает со стула, открывает дверь в комнату Андрея, входит.

Анна. Андрей!

Андрей увлеченно щелкает клавишами. Анна подходит к нему, снимает с него наушники.

Андрей. Блин!

Анна. Вот и я говорю: здравствуй.

Андрей. Ну?

Анна. Может, поедим?

Андрей. Я ел уже.

Анна. Что ты ел? Не было же ничего. Я только сейчас принесла.

Андрей. Я в кафе ел.

Анна. В каком это кафе?

Андрей. В нормальном.

Анна. Нормальное – это какое?

Андрей. Нормальное – это нормальное.

Анна. Ну что ж, у богатых свои причуды. Позволь полюбопытствовать: а деньги ты откуда взял?

Андрей. Откуда взял – оттуда взял.

Анна. Исчерпывающий ответ.

Андрей. Украл! Ограбил швейцарский банк!

Вскакивает со стула; изображает, как натягивает маску, выхватывает воображаемый автомат, стреляет из него... Последней "очередью" он в упор "расстреливает" Анну.

Анна. Вот она, твоя подкорка в действии. Шут. Шут гороховый.

Андрей (*раскланивается*). Приятно познакомиться. Андрей.

Анна. Вернемся к нашим баранам. Так откуда?

Андрей. От верблюда!

Анна. У отца попросил?

Андрей молчит.

Анна. Ага. Значит, у отца. У папика... так вы сейчас говорите?

Андрей. Темная ты мать. Папик – это пожилой хахаль. А отец – это батон.

Анна. Благодарю за консультацию.

Андрей. Всегда рад.

Анна (*кричит*). Да как ты смеешь?

Андрей (*подскакивает от неожиданности*). Сдвинулась?

Анна. Хам!

Андрей молчит, смотрит исполобья.

Анна (*с трудом берет себя в руки*). Неплохо ты устроился, как я посмотрю... У матери деньги кончатся, так ты – не будь дурак – к отцу.

Андрей (*с вызовом*). А что, нельзя?

Анна (*горько*). И что, не стыдно? Ни капельки?

Андрей. Не понял.

Анна. Объяснить?

Андрей. Не-а. Я лучше пешком постою.

Анна. У тебя-то свои слова имеются? Или все из фильмов?

Андрей. А у тебя? Или все из книжек?

Анна. Детсад какой-то. Маркиз Детсад... Слушай, тебе сколько лет? Пять? Восемь?

Андрей. Я так и думал, что ты не помнишь.

Анна (*растерянно*). Почему это – не помню? Помню.

Андрей. И это тебя положительно характеризует.

Анна. Хам.

Андрей. Ты становишься однообразной, мутер.

Анна. Не смей меня так называть!

Андрей. Тогда мазер? Или лучше маман?

Анна (*тщательно проговаривая слова, отчетливо артикулируя, как на лекции*).

Неужели непонятно, что всякий раз, когда ты идешь к отцу клянчить деньги, этим ты говоришь: папочка, мы без тебя совсем никуда – обнищали, стали сирыми, убогими, облезлыми...

Андрей (*передразнивает ее интонацию*). Скажешь, неправда?

Анна молчит.

Андрей. Завидуешь, мутер?

Анна. Что ж у тебя за язык, что за грязный такой язык...

Андрей. Да вот такой уж я получился. Выродок! Или, может, покруче сказать? Я могу: выб...

Анна. Замолчи!

Андрей. Вот-вот. Приступим к испытанным мерам (*передразнивает*). Замолчи! Займись делом! Не видишь, мама работает! Сам разбирайся, большой уже! Не мешай: мама пишет лекцию! Не мешай: мама пишет диссертацию! Не мешай: мама пишет книгу!

Анна (*беспомощно*). Ну как же так можно? Мы ведь ни разу без тебя в отпуск не съездили. Да что там – в отпуск... В кино без тебя, может, только раз или два сходили. И за столом ты всегда был со взрослыми, когда гости...

Андрей. Ага, в отпуск... музеи эти долбаные, походы эти дебилские, байдарки... Комарье, блин! Феллини-шмеллини, Бергман-шмергман... Гости-шмости...

Анна. Ну да, тебе клубы подавай.

Андрей (*с уничижительной жалостью*). Мать, ты меня прости, плз. Но ты какой-то раритет. Мастодонт. Хорошо – папеч соскочил, теперь с ним хоть поговорить можно по-человечески... В нормальной обстановке.

Анна. Это уже интересно. Как говорили классики, вечер перестает быть томным... И где же это вы... по-человечески?

Андрей. Где надо, там и...

Анна. Позволь, угадаю.

Андрей. Да ты и названий таких не знаешь.

Анна. Ну почему же? "Рок-Хаус кафе"? "Бронкс"? Что там еще?

Андрей. А хотя бы и "Бронкс". Тебе дело?

Анна. Ты прав. Никакого дела.

Андрей. Ну дык...

Анна. Дела нет, так, праздный интерес. Неужели отец...

Андрей. А что? Если ты на себя лейбл нашла "Не влезай, убьет", и для студиозов живая страшилка, так и отцу, что ли... Он, между прочим, еще жить хочет. Ему, как бы, пока не сто лет. Реально человек плечи расправил...

Анна. Что не может не радовать. И хорошо посидели?

Андрей (*с вызовом*). А что, тебе завидно?

Анна (*машинально*). ЗавИдно.

Андрей. Вот-вот.

Анна. Что?

Андрей. Да ничего.

Анна. А все-таки?

Андрей. Ничего.

Анна. Ага, видимо, вечнозеленая тема моего снобизма продолжает куститься и пахнуть. Во всяком случае, в сознании твоего... как это... батона. Про бабушку рассказывал – ну насчет "не того кроя"?

Андрей молчит.

Анна. И про ударения небось вспомянул...

Андрей молчит.

Анна. И как всю жизнь со мною мучился, с холодноносой интеллектуйкой, так?

Андрей молчит.

Анна. Сын, ты хоть понимаешь, что все это оправдания? Просто оправдания...

Андрей молчит.

Анна. Ладно, поговорили.

Собирается уходить, потом вдруг спохватывается, резко поворачивается: видно, в ее голову пришла какая-то мысль.

Анна. Погоди, погоди... А в этом... в "Бронксе" вы вдвоем были?

Андрей молчит.

Анна. Или... втроем?

Андрей *(с вызовом)*. А если и втроем. Что, нельзя?

Анна. Да нет, отчего же? Можно *(Кричит)*. Теперь все можно!

Андрей *(отшатываясь)*. Тебе что, башню сорвало?

Анна. И сорвало! И башню!

Андрей. Слушай, мать... С тобой же стало вообще невозможно, блин... Ты же совсем... того, съехала, блин... Мать, я с тобой живу, как на порохой бочке...

Анна. Ах, блин? Ах, невозможно? Ах, на бочке? На пороховой? *(бьет его по щеке)*.

Андрей *(потрясенный)*. Мам, ты что?

Анна выбегает из комнаты, открывает балконную дверь. В комнату врывается шум вечернего города. Свет постепенно гаснет. Виден лишь силуэт Анны на фоне городского зарева, спиной к зрителю – трясущиеся плечи, сгорбленная спина. В комнате Андрея горит только компьютер; на его фоне фигура Андрея – трясущиеся плечи, сгорбленная спина.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Анна и Димон в лифте, сидят на полу. Димон тоже снял куртку. На полу бумажки от еды, полиэтиленовые пакеты, пустая бутылка из под минералки. Речь Димона и Анны слегка заторможенная: видимо, им не хватает воздуха.

Димон (*трясет бутылку, оставляет*). Может, еще есть?

Анна *мотаает головой*.

Димон. Жалко.

Анна *молчит*.

Димон (*с наигранной бодростью*). Ничего! Человек без еды три дня может выдержать. А без воды сутки. Я по телеку видел, там один йог даже ничего не ест-не пьет, только слюной питается.

Анна *молчит*.

Димон. А еще бывают такие, они солнечной энергией кормятся... и поятся. Я по телеку видел.

Анна *молчит*.

Димон (*явно подыскивая тему*). А я как-то два дня не ел. Реально, не ел. Постился.

Анна (*голос у нее слабый*). Ты меня развлекаешь?

Димон (*обиженно*). И ничего не развлекаю.

Анна. Ошиблась, значит.

Димон *снова – вяло, без надежды – начинает нажимать на кнопки*.

Анна. Не пойдет. У него срок эксплуатации восемь лет как вышел.

Димон (*бормочет*). Ничего, ничего.

Раздаются удары. Димон подскакивает.

Чего это?

Анна (*поднимает голову*). А это, допустим-Артур, соседи... Которые жаждут лифта. Спихватились. Видно, второй тоже встал.

Димон (*нервно*). Чего вы всю дорогу издеваетесь?

Анна. Я? Издеваюсь? (*Смеется*.)

Димон. Зовете меня...

Анна. А как тебя зовут?

Димон (*мрачно*). Дмитрий.

Анна. Митя, значит. Хорошее имя. Я сына хотела... назвать...

Димон. Не назвали?

Анна. Не назвала.

В дверь лифта опять колотят. Голоса: "Прекратите держать!", "Отпустите лифт наконец!"

Димон. Чего это они?

Анна. А это они думают, что мы специально лифт держим. Для каких-то собственных целей. Слышат – разговариваем. Думают: если б застряли, мастера вызвали бы. Или орали бы, на помощь звали. Логично?

Димон. Тсс!

Голоса: "А ну их! Пошли", "Нет уж, надоело... я этого так не оставлю".

Анна (*шепотом*). Это первые ласточки. Сейчас сколько? Полшестого? Вот-вот, все как раз с работы... Пора лифтерше звонить, Митя.

Звонок.

Димон. Не рыпайтесь!

Анна. А чего мне рыпаться? Это тебе звонят.

Откидывается на стенку лифта, прикрывает глаза.

КАРТИНА ВТОРАЯ

На авансцену выходит Лена. Она прижимает к уху телефон. Димон смотрит на трубку. Поколебавшись, нажимает клавишу.

Димон (*тихо*). Але.

Лена. Привет.

Димон. Привет.

Лена. Как дела?

Димон. Нормально.

Лена. Как добрался?

Димон. Куда?

Лена. До дому вчера.

Димон. Нормально.

Лена. А сейчас ты где? В городе?

Димон. Ну. Лен, я сейчас... это... занят.

Лена. Так рабочий день же кончился.

Димон. У меня ненормированный.

Анна приоткрывает глаза, негромко смеется. Димон смотрит на нее сердито.

Лена. Бедненький! Ой, так ты, может, счас как раз вешаешь?

Димон. Вешаю.

Лена. Большую?

Димон. Большую.

Лена. На высоте?

Димон. Ну.

Лена. А на каком?

Димон. На шестнадцатом.

Лена. Темно же!

Димон. Ничего, справлюсь.

Лена. Ой! Тогда все. Ты, Дим, поосторожней, да? Ты береги себя, да? Ты только...

В дверь лифта где-то внизу опять стучат, судя по звуку, пинают ногами.

Димон (*торопливо, тихо*). Ладно, Лен, тут этот... бригадир...

Лена (*после паузы, нежно*). Пока.

Димон. Пока.

Лена. Целу...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Димон прячет трубку в карман.

Димон (*с гордостью*). Знакомая.

Анна. Та, у которой с математикой нелады?

Димон. Ну. А откуда вы?...

Анна (*вяло*). Тоже мне, теорема Ферма... На высоте, значит? На безымянной?

Слышится стук: он менее гулкий, более громкий. Стучат явно здесь же, на том этаже, где стоит лифт. Димон быстро вынимает нож, молча показывает его Анне. Молчание. Мужской голос: "Никого нету". Женский голос: "Какого никого? Только что же..." Мужской голос, удаляясь: "Глюки". Женский, удаляясь: "Ты как хочешь, а я сейчас же в аварийку позвоню. Безобразие. Обрыдло". Хлопает дверь. Пауза.

Димон. Ффффу!

Анна. Ты каждый раз собираешься в меня ножом тыкать?

Димон. Это чтоб вы молчали.

Анна. А вербально нельзя?

Димон (*зло*). Вы как на иностранном языке говорите. Ни словечка в простоте. Строите тут из себя.

Анна. Надо же! Какое совпадение!

Димон. Где?

Анна. Нигде. Просто так. Мысли вслух.

Звонит телефон. В квартире Анны зажигается свет. Андрей стоит с трубкой.

Анна. Не бойся. Я не сниму.

Димон (*шипит*). Выключите звонок!

Анна. Не выключается: модель допотопная. Это не мой, это сына старый.

Димон. Телефон отрубите!

Анна. А как? Я никогда... я с техникой, знаешь ли, не ахти...

Димон выхватывает у нее трубку, тычет в кнопки. Потом, напрягшись, ломает его. Телефон замолкает. Голос снаружи: "Слышал, звонило?" Второй голос: "Вроде". Первый голос: "Ну вот, опять..." Второй: "Не, точно, кто-то там... ну сейчас я им интим порушу". Громкий стук, видимо, ногами. "Доконали. Нет, я все же спущусь. Сейчас я этой лифтерше...". Топот. Димон сидит застыв.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Андрей в комнате набирает номер.

Андрей. Привет! Слушай, ты к нам когда собирался? А-а... А мутер в курсе? Когда ты с ней гово... Да вот, пошла в магаз и нет ее. Говорю: в магаз пошла. Да давненько уже. Тесто поставила, оно уже по столу расплзается. Я знаю? Может принять тебя хочет по-человечески... Гость все-таки... Дорогой гость. В первый раз за сколько ... за четыре месяца... Что? Да звонила она, звонила, я не поднял. Занят был... Я потом перезванивал, она не берет... Что зачем? Звонила зачем? Не знаю я, зачем. У меня мелофона нет, я мысли не читаю. Слушай, да убери ты эту твою от трубки, не могу я, когда она там... что она там с тобой делает, щекочет, что ли? А то уж сильно тебя на "хи-хи" пробило... Упс! Допёр. Знаешь, зачем мутер, наверно, звонила? Она звонит, когда много всего наберет, я тогда спускаюсь, она вечно нагребет, а после нести не может, у нее спина болит... Кому рассказать? Тебе? А с какого бодуна? Очень тебя ее спина волнует. Изволновался весь. Да ладно тебе... Говорю, да ладно! Ты не обязан. Ты, па, человек сторонний... А вот это дело говоришь. Сейчас гляну (*кликает по мобильнику, смотрит на трубку*), ух ты, два часа с копейками... А я знал, что ли? Говорю, занят был. Ну все-все... Понял. Сейчас выскочу.

Хватает куртку, выходит.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В лифте. Димон протягивает Анне замолкнувший мобильник. Анна смотрит на него.

Анна. Сын звонил. Андрей.

Димон. А я думал, его как-то по-другому зовут.

Анна. Допустим, Артуром?

Щелчок.

Механический голос (*прерываясь*). Лифт, ответьте. Лифт, вы на месте?

Анна тихо смеется. Димон показывает Анне нож.

Механический голос (*в сторону*). Молчат. Может, там никого нет?

Голос. Говорю же, есть. Шебуршится там кто-то. И мобильник звонил.

Следует пантомима. Анна пытается жестами объяснить Димону, что ситуация тупиковая, Димон мотает головой. Щелчок: микрофон отключился.

Анна. Слушай меня. Внимательно слушай. Это только начало, а вот сейчас будет ой-ой-ой что. Потому что второй лифт тоже остановился. У них, у лифтов наших, загадочная кровеносная система. Одна на двоих. Как у сиамских близнецов. Они предпочитают попарно... Если бы второй действовал, все на нем бы ездили и никто ничего сто лет не заметил бы. Мы бы с тобой тут истлеть успели. Ты, кстати, похоже, этого и добивался...

Димон. Ничего я не добивался.

Анна. В таком случае, позволь любопытствовать, на что ты надеялся?

Димон. Ни на что я не надеялся.

Анна. Ну вот. А говоришь, мышление стереоскопическое...

Димон. При чем тут?

Анна. Не при чем. Это я ради красного словца. Не обращай внимания. Мне за это и так достается.

Димон. Как у змеи.

Анна. Что?

Димон. Язык.

Анна. А-а-а. Ну да. Что-то в таком роде. Так вот...

В дверь лифта колотят далеко снизу. Голоса неразличимы.

Анна (*тихо*) ... тебе не повезло. Факт остается фактом. Истлеть мы не успели. Да к тому же всем уже ясно, что кто-то здесь есть. Так что у нас один выход: обозначить свое присутствие. Легализоваться.

Димон. Чего?

Анна. Позвонить лифтерше. Или просто заорать. Они услышат: их там, снизу, хватает. И с каждой минутой все больше будет.

Димон. Вы меня не пугайте. Пуганый.

Анна. Я и не собираюсь.

Димон. Ну, допустим, заорем. Ну, допустим, откроют они. А вы потом... А они меня повяжут...

Анна. Я же тебе обещала.

Димон. Знаю я... Обещали тут разные...

Анна. Ну что ж, тогда подождем.

Устраивается поудобнее.

Димон. Чего?

Анна. А ты как думаешь?

Димон. А если я вас, как заложницу?

Анна. Как ты себе это представляешь? Пешком, что ли, меня поведешь?

Димон. А что?

Анна. И далеко мы так уйдем?

Димон (*с надеждой*). А может, у вас машина...

Анна. А что, по мне не видно?

Димон. В смысле?

Анна. Муж говорит, что я даже на пешеходном переходе аварийную ситуацию создаю. Хожу кругами, что-то объясняю... Куда мне машину?

Димон. Плохо.

Анна. Да уж, чего хорошего. Слушай... ты уж и так дал маху, надо было сразу... Кстати, не мог бы ты ответить мне на один праздный вопрос: а почему ты сразу не согласился?

Димон. На что?

Анна. На разумный выход. Как я тебе с самого начала предлагала.

Димон. Потому, что кончается на "У".

Анна. Вот и мой сын так же.

Димон. Не слушает?

Анна. Не слышит.

Димон. Это ничего. Просто у нас сейчас возраст такой.

Анна. Надо же... Ты меня, что ли, утешаешь?

Димон. Чего?

Анна. Утешаешь меня, спрашиваю?

Димон (*нагло*). А чего – нельзя?

Анна. Почему нельзя? Можно.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На авансцене появляется Андрей в расстегнутой куртке и в шарфе. Он запыхался. Набирает номер.

Андрей. Па, нет ее нигде... Что? Дышу? Как дышу? А-а-а, это я по магазинам забегался. А что? Может. Сейчас гляну. Как взлечу, так сразу и перезвоню. Ну, минут через пятнадцать. Да опять стоят, заразы... Ну да, оба. Как всегда. Мать говорит, у них общая кровеносная система. Достало уже, зависалово это... Поднимусь – наберу тебя. А? Ну ладно. Как хочешь. Давай. Жду.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Зажигается свет в квартире Димона. Мать входит из кухни. Она нарядно одета – в обтягивающую красную кофту с масштабным рисунком на груди, в узкую юбку с разрезом сзади, обута в узконосые лакированные туфли. Мать Димона пританцовывает и напевает: "Пять минут, пять минут..." Становится перед зеркалом, оттягивает кофту вниз, смотрит на себя в профиль, недовольно присобирает кофту на животе. С кофтой – незадача: обтянутая, она сильно обозначает пухлый живот, необтянутая – закрывает грудь. Некоторое время Мать пытается найти компромисс между животом и грудью, в конце концов прекращает попытки и отходит от зеркала. На журнальном столике накрыт ужин на двоих, в центре букет из пластмассовых цветов, стоят несколько салатов в хрустальных вазочках и подсвечник со свечами. Вина нет, только бутылка с минералкой. Мать снимает с куклы, сидящей на спинке дивана, розовый бантик, снова подходит к зеркалу, прикалывает бантик сбоку на волосы. Она смешновата, но обаятельна, в ней проступает что-то школьное, от того последнего звонка, о котором упомянул Дядя Коля.

Мать садится в кресло боком, спускает ноги через подлокотник, покачивает туфель. Лениво берет телефонную трубку, набирает номер.

Мать. Валька, прЮвет. Это Светка звОнит. Валь, ты помнишь, говорила, что у тебя есть мастер по ногам. Ну. А что он делает? Броет? А еще? Еще массажит? А с венами может? Не, мне надо, чтоб с венами. Спроси, а, Валь. Я вот еще хотела, может, знаешь, а чулки бывают "пятерочка", а то все "двойки" с "тройками"... Ага, хорошо тем, которые тощие... Не, такие не надо, я с липучкой хочу, чтобы сами держались. И чтобы сверху кружево. Черненькие. И ничего не... *(Смеется)*. Пошлая ты, Валька. Ну прям! Не те наши годы. Ну да, Петровна... совсем съехала с тем замужем. Смех один – в пятьдесят годков! Валь, ты меня не подначивай, я все равно не скажу. А если и появился, так что же, сразу взамуж? А может, мне еще погулять охота... Не допытывай. Разведенный. Большие уже, сын вообще семейный. Ну дык. Не, он помогает, картошку вон возил. Я к тем, кто дитям не помогает, отношусь с отрицанием. Не-не, пить не пьет, разве выпивает маленько. Димка? А разве что поймешь у Димки? Вроде, против не говорил. Валь, ну ты чё, разве ж

об таком спрашивают? Так то когда было! Дуры мы были тогда, одно слово – дурынды... Я, помню, тебя все допытывала, а больно, а больно? А ты мне: не-а, как комарик укусил. *(Смеется)*. Чего? Дура ты, Валька! Жизнь прожила, ума не нажила! И интерес твой дурной! Нормальный, поняла? Выше среднего! *(Смеется)*. Комарик – надо же, сказанула! Ну знаешь, конечно, знаешь, а кто тут у нас кого не знает? А я вот не скажу! Может, на новый год к тебе завалимся, сама тогда увидишь... Сюрприз будет. А что Димка? В городе Димка. Он сегодня в вечернюю. Ой, не спрашивай, ну сколько он там получает, без разряда-то, ученик фрезеровщика... Вроде, на фрезеровщика его двигают, на повышение. Да лучше, конечно же, лучше, я ему сто раз... Ну не хочет он к тебе. В город хочет: им там медом понамазано...

Звонок в дверь.

Все, Валь, звонят. Ну наверно, кому ж еще-то? *(Смеется)*. Комарик! Да ну тебя! Ну ладно, ладно, пока. Завтра расскажешь про Петросяна, чего там было-то...

Кладет трубку. Открывает дверь. Входит Лена. Весь следующий разговор – в быстром темпе: мать хочет поскорее его завершить.

Лена. Здравстье, тетя Света!

Мать. Здравствуй, Леночка. А Димочки нету. Димочка на работке еще.

Пытается вытеснить Лену из квартиры. Лена сопротивляется, пытается просочиться в комнату.

Лена. Я вот как раз насчет работы евоной.

Мать. А чего – насчет? Работа и работа. И ничего не насчет.

Лена. Не страшно вам, тетя Свет?

Мать. А чего страшно-то? И ничего не страшно.

Лен. Ну что работа у его такая.

Мать. А чего? Работа как работа.

Напирает на Лену бедром. Лена хватается за косяк.

Лена. Что он на высоте.

Мать. Ну не на такой еще пока что... Но подымается потиху. Как говорится, в гору. Начальство его ценит, продвигает его начальство... Ты прости, Лен, что не приглашаю, неубрано у меня...

Лена. Ничего, нормально, у нас тоже бывает... Хотя редко. Мы с мамкой стараемся... это... чистоту.

Мать. Правильно тебя мамка-то рОстит. Девушка должна в чистоте.

Подталкивает Лену к выходу.

Лена. И не страшно вам, что он такую тяжесть на себе таскает...

Мать. Ну, таковая жизнь, Лен, всяк свою тягость таскает... Я вон одна Димульку-то подымала, думаешь, легко одной-то?

Лена. Трудно. Но это не в прямом смысле, оно жизни не грозит.

Мать. Еще как грозит! Вон будешь одна рОстить, так узнаешь, что грозит, что не грозит...

Лена (*упрямо*). Это же не в физическом смысле. Упасть некуда.

Мать (*сердится*). Много ты знаешь, некуда или куда. Можно так упасть, ниже нижнего. Если женщина себя не смотрит, разве ж она дитё углядит?

Лена. Ой, тетя Свет, я с вами чего-то запуталась.

Мать. Ничё-ничё... запуталась – распутаем. Ты приходи-то в гости... Завтра приходи, Димочка дома с утра, посидим, все распутаем, все...

Вытхивает Лену бедром. Лена исчезает из виду.

Голос Лены. Ой, дядь Коль, здрасьте.

Голос Дяди Коли. Здрасьте-мордасьте. Ты чьих будешь?

Мать (*торопливо*). Рыхлых она, Коляша. Пети Рыхлыха дочка. Она уходит уже, мы уж все свое женское, темы все свои отсидели-отбалакали.

Дядя Коля (*появляется в дверях*). Привет, мой Свет.

В руках у Дяди Коли торт и бутылка, заткнутая газетным комком. Снимает пальто, кряхтя стаскивает ботинки. Он в белой рубашке, галстуке, в сером костюме, стоящем колом. На ногах – белые носки.

Мать. Ой, Коляша! Какой ты парадный! И с тортиком! Зачем только тратился? У меня к чаю есть, вон конфеты!

Вынимает из "бара" в стенке ту самую коробку конфет, которую выставлял на стол Димон.

Правда, початая. С моих именин. А потом еще и Димкины были.

Дядя Коля. Полный у нас комсостав получается. Торт с конфетами. А наготовила-то, наготовила, что прямо мама дорогая...

Мать. Ой, Коляша, да ничего я не готовила. Так, на скорую руку. Что попало. Что успелось... Ну что, Коль? Сядем, Коль?

Дядя Коля. Можно и сесть.

Садятся.

Мать. Ты кушай, Коля.

Дядя Коля. Крабовые палки... Люблю крабовые палки. Хоть и красителей там, извиняюсь, как грязи.

Мать. А ты вон тот кушенькай, печень трески, натуральный продукт.

Дядя Коля. Можно и печень. И с палками тоже наложи.

Мать. И оливье.

Дядя Коля. И оливье.

Разливает самогон по рюмкам, встает.

Ну, как говорится, за встречу.

Мать. Да, Коляш. За нашу позднюю встречу.

Дядя Коля. И ничего не позднюю. Мы еще, слава Богу. Пока что в силе еще, пока что в памяти... Вот ушел я от тебя давеча, веришь ли, пришел домой, телик включил, а не смотрится... закрою глаза – там ты, на последней линейке в бантике стоишь, в розовом... Боевая такая... Давай-ка, лучше Светка, за первую любовь. Правду люди говорят, первая, она и есть первая. Всему начало. Судьба. За тебя, Свет, за судьбу мою...

Выпивает стоя.

А ты чего ж это?

Мать. Не употребляю я, Коляша.

Дядя Коля. Правильная ты Светка. Всегда была правильная. Одно слово – комсорг.

Мать (*смеется*). Ох, Коляш, напутал ты все. Я старостой была, а комсоргом у нас Валька была Щучкина.

Дядя Коля. Валька? Ты чё?... Правда, что ль, Валька?

Мать. Ну.

Дядя Коля. Вот так номер.

Выпивает.

Мать. Ты закушивай, Коль, закушивай.

Едят.

Мать. Давай теперь я скажу.

Встает с бокалом минералки. Говорит волнуясь:

Только от нас зависит,

Чем любовь наша станет:

Ярким солнцем в выси,

Или камнем в ущелье канет.

Я хочу, чтоб любовь стала песней!

Чтобы любовь стала гимном!

Жизнь будет чудесной

Только при чувстве взаимном!

Пьют.

Дядя Коля (*ищет тему для беседы*). Ты... это... оливье с кем делаешь – с колбасой или с мясом?

Мать. С обоими. А что? Невкусно?

Дядя Коля. Нормально.

Мать. Что-то ты, Коляш, погрустнел.

Дядя Коля. Да нет, Светка, это ничего. Так, спомнилось. Причуды жизни.

Мать. Жизнь – это да.

Дядя Коля. Игра случая.

Мать. Хорошо сказал. В корень.

Дядя Коля выпивает.

Мать. Ты не думай, Коль, что я так с любимым. Я не с любимым так.

Дядя Коля. Я и не думаю.

Мать. Я вообще-то себя строго смотрю. Не то что бывают, у которых дети заброшенные, а сами алкоголизмом увлекаются.

Дядя Коля. Да знаю я, знаю.

Мать. Ты, Коль, не думай, что раз характер у меня веселый, так и натура легкомысленная... У меня, Коль, нутро верное.

Дядя Коля (*с застывшим взглядом, жует*). Угу.

Мать. Случилось что, Коль?

Дядя Коля. Нет-нет, ничего такого особого.

Мать подсаживается к Дяде Коле поближе.

Мать. Ты, Коль, всегда неразговорчивый был. И еще с фамилией! Тебя дразнили "Колька-бирюк", помнишь? А я еще думала: ты оттого такой молчаливый, что по фамилии "Бирюков", или кто из предков у тебя тоже такой был и фамилию за то как раз и получил. Ты как сам-то думаешь, а, Коль?

Дядя Коля молчит.

А вчера ты мне таких слов понашептал, что спомню – так прямо жарко в лицо делается. Чувствую – расцветаю вся.

Дядя Коля молчит.

Не такой уж и бирюк, выходит... (*Неуверенно смеется*).

Дядя Коля молчит.

Что же ты не кушаешь, Коляша?

Дядя Коля. Так сытый я уже.

Смотрит на мать. Лицо тяжелое, невеселое.

Мать. Там еще мяско, свининка, принести?

Дядя Коля. Сказал же. Сытый я.

Мать. Тогда я сейчас, Коль. Ты погоди, Коль. Я только подушку. Чтобы не как попало. Чтобы по-людски.

Открывает секцию, вытаскивает из ящичка наволочку, бежит в закуток Димона, вынимает из кресла-кровати подушку, вытряхивает ее из наволочки. По полу рассыпаются деньги. В это время Дядя Коля надевает пальто, ботинки.

Мать. Ой! Что это?

Собирает деньги, считает.

Откуда это? Откуда столько?! Димка, где ж ты... что ж ты...

Выходит из-за секции, видит Дядю Колю, наматывающего на шею шарф.

Коль... ты чего?

Дядя Коля. Пора мне, Свет.

Мать. Ох...

Падает в кресло, сидит некрасиво, ноги расставлены, спина сгорблена. В руке – деньги. Дядя Коля подходит к ней, нависает над креслом.

Дядя Коля. Ты... это... извини меня, Свет. Только не могу я так... Я, вишь, такой... все у меня всерьез. Долгоиграющий я... Я, если хочешь, по душе романтик...

Мать (*равнодушно*). Чем же я романтику твою порушила, Коляша?

Дядя Коля. Не при чем ты, Свет. Сам виноват. Роковая ошибка.

Мать (*с пустым от потрясений лицом*). Какая ошибка, Коля?

Дядя Коля. Ты староста была, так?

Мать. Ну.

Дядя Коля. А я комсорга любил, понимаешь, комсорга!

Свет в комнате Димона гаснет. Зажигается свет в лифте.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

В лифте Димон и Анна. Оба сидит съевшись. Димон привычно держит нож у бока Анны. Слышны голоса: "Зачем скорую?", "А может, плохо там кому?", "А аварийку вызвали?", "Вызвать вызвали, когда они доедут, вот вопрос". Слышен умоляющий голос Андрея: "Ма, ты там? Ты там, ма? Мама...". Потом голоса замолкают. Уходящие шаги. Становится тихо.

Анна (*устало*). Ушли. Будь любезен, убери эту тыкалку, надоело.

Димон (*пряча нож*). Как ушли, так и придут.

Анна. Что не может не радовать.

Димон. Вас-то, понятное дело.

Анна. Успокойся. Не сдам я тебя. Сто раз говорила.

Димон. Харе свистеть.

Анна смотрит на него, молчит.

И этот еще ваш: ма, да ма. Заладил, будто чпок малой...

Анна. Кто?

Димон. Кто-кто! Конь в пальто.

Анна. Да перестань ты дергаться. Я же пообещала.

Димон. Ага. Так вот взял и уши развесил.

Анна. На твое усмотрение. Можешь не развешивать. Можешь их в трубочку скатать. Или вообще к черту выбросить.

Опирается на стену. Она явно себя нехорошо чувствует.

Димон. Ну ладно. Допустим, что не метете... А какая тогда ваша выгода?

Анна. Что-то я тебя не понимаю, братец Кролик.

Димон. Заложите, тогда понятно – вам денежки вернут. А если не распрягетесь – тогда шиш вам с маслом.

Анна. Твоя правда. Я бы заложила. Или как это ты говорил, распряглась бы. Но я не умею. Дед воспитал. Он долго в тюрьме сидел, а там с этим строго.

Димон. В тюрьме? Да ну!

Анна. Ну да.

Димон. За что?

Анна. За политику.

Димон. За какую еще политику?

Анна. За нормальную. Или нет. За ненормальную. За совершенно ненормальную политику.

Димон. Ёлы-палы! *(мрачнеет)*. Нет, ну с какой такой радости я должен вам верить?

Анна. А ни с какой. Просто так. Верят всегда просто так. Если "с какой" – тогда не верят... Женщин только жаль. Покуда поймают тебя – успеешь еще народ попугать.

Димон *(кричит шепотом)*. Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь!

Раздается жужжание – виброзвонок.

Димон. Але. Ну. На работе. Нормально. А что на работе? Работаю я на работе. Звонила? Куда? Ты? Зачем? *(Упавшим голосом)*. И что они тебе сказали? *(Нагледет на глаза)*. И что? И свалил! Нашли лоха за копейки жопу рвать. Тебя не спросили! Где работаю – там и... Да ни с кем я не связался! Ни с кем... Что?! Какого хрена ты туда

полезла? Да чистые это бабки, чистые! Должен? Интересно, что я тебе должен? За прокорм даю? Даю. Выжималку тебе купил? Вот и отвали, поняла!

Нажимает на кнопку. Смотрит на Анну.

А вы чего тут... смотрите?

Анна. А на что мне тут еще смотреть? Раскрылась, значит, твоя военная тайна...

Димон. Не ваше дело!

Анна (*смеется*). Не мое? Ты это всерьез что ли, Митя?

Димон. Имя забудьте. Я вам его наврал.

Анна. Зачем тогда забывать?

Димон (*После паузы*). А вы и вправду не боитесь?

Анна. Ты поразительно однообразен. Я ведь уже говорила.

Димон. Мало ли чего вы говорили. Так чё, вправду, что ли?

Анна. А тебе надо, чтобы боялась?

Димон. Ничего мне не надо.

Анна. Успокоил бы мать.

Димон. Чего вы лезете? Всюду вы лезете и лезете.

Анна. Твоя правда. Ничего не поделаешь – издержки профессии.

Димон (*успокаиваясь*). А все-таки?

Анна. Что?

Димон. Почему?

Анна. Да так. Видишь ли, как-то так сложилось, что терять мне, судя по всему, нечего...

Димон. Почему это?

Анна. Долго объяснять. Долго и скучно. Как на уроке математики.

Димон. Не, это вы зря. Матика не скучная. Матику я люблю.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

В комнате Анны. Звонок в дверь. Андрей открывает. Он по-прежнему в куртке, в шарфе. В комнату входит Игорь.

Игорь. Ну что?

Андрей. Па, она, наверно, в лифте застряла.

Игорь (*благодушно*). Ну в лифте – это ничего. В лифте – это дело поправимое.

Андрей. Па, ты что, съехал? Она же лифта боится до усра... до ужаса! Она вообще закрытых дверей боится! Помнишь, тогда, в Крыму выломала защелку в хозяйском

сортире, там заело защелку, так мать ее со страху и выломала? Ты еще переставлял эту долбаную...

Игорь. Спокойно, Андрюха, спокойно. А на каком этаже лифт?

Андрей. На седьмом.

Игорь. Стучал?

Андрей. А ты как думаешь?

Игорь. А она что?

Андрей. Молчит. Соседи грят, что там, вроде, голоса были, а после затихарились. С кем там она? И с чего это они затихарились? С какого бодуна, па, я спрашиваю... Может, ей поплохело там, па?

Игорь. Ммм... Ну ... Знаешь, сын... Твоя мать – привлекательная женщина. У нее вполне может быть личная жизнь.

Андрей (*кричит*). Па, ты совсем, да? Ну какая личная жизнь, блин, в лифте? Я уже в лифт для такого не пойду, па! А мать...

Игорь (*умудренно улыбается*). Ох, сын. Всякое бывает.

Андрей. Тебе что, с твоей личной жизнью совсем крышу снесло? Это у тебя всякое бывает! А у нее не бывает такого всякого, понял?

Игорь (*скептически*). Ну-ну. Ну-ну. У всех бывает... Никто не застрахован.

Андрей затыкает уши. Игорь жестами показывает, что тема закрыта. Андрей отнимает руки от ушей.

Игорь. Аварийку вызвали?

Андрей (*тяжело дыша*). Ну вызвали. Ждем. Сто лет уже едет.

Игорь. Вот и ладушки.

Ходит по комнате, осматривает ее, как будто видит ее в первый раз. Снимает с полка безделушки, листает книжку.

Андрей. Ты с экскурсией здесь или с ревизией?

Игорь (*благодарно*). Эх, сына-сына... Раздвоенный язычок, известно в кого.

Андрей (*тоскливо*). Па... До чего же ты мне надоел, па.

Игорь (*по-прежнему благодарно*). Ничего-ничего. Бывает. Ничего-ничего. (*Напевает*). Ничего, ничего, ничего / Сабля, пуля, штыки – все равно.

Андрей выходит в свою комнату, хлопнув дверью. Рывком придвигает к себе компьютерное кресло.

Игорь (*появляясь на пороге, в спину Андрею*). Чего-то я, видно, не понимаю, сына... Чего-то я сильно не понимаю. Ты позвонил... заметь, взрослый мужик папке звонит, мамка, видишь ли, пропала... Аж два часа нету – ай-ай-ай. И что же я? Все дела коту под

хвост, гоню, как бешеный, а гололед, и по радио предупреждали, чтобы не ездили без крайней... и это при том, что все равно я к вам вечером собирался, планы подкорректировал, то-се... ну ладно... еду, а гололед, и предупреждали, чтобы без крайней...

Андрей (*не поворачиваясь*). Ты по второму кругу пошел...

Игорь. Ладно. Приезжаю – и что?

Андрей. А что?

Игорь. Ты повернись, повернись, когда с отцом разговариваешь.

Андрей поворачивается, сидит в кресле, развалиясь. Поза нарочито спокойная, расслабленная.

Андрей. Ну, повернулся. Дальше что?

Игорь. Приезжаю, пытаюсь внести здравую ноту... Успокоить тебя пытаюсь...

Андрей. Па... не начинай, да? Эти ноты твои... я раньше не понимал, чего мать заводится, малой был, а теперь понимаю... потому что у тебя всегда все просто, па... Все по сценарию, а сценарий, па, на все одинаковый. Отстойный, па, сценарий... И люди в нем все тупенькие, и вопросы, и ответы... Ушла – и ушла. Лифт – это просто лифт...

Игорь (*издевательски подхватывает*). ... а он – не просто лифт... Жерло Везувия. Черная дыра. Чистилище. Ладно. Осознал. Где уж нам, дуракам, чай пить? (*Поворачивается, собирается уходить. Потом резко разворачивается. Зло*). А как приморозит – так к папочке, да? К папу? То деньжата, то психи: мамка, видишь ли, запропала...

Андрей. Прости. Больше не повторится.

Игорь (*подскакивает к нему, трясет*). Ах, не повторится? Не повторится, говоришь?

Андрей (*вырываясь*). Ты чего, трёхнулся? Ты в своем уме или в Мэри-Эннином?

Игорь (*трясет его*). Это еще что? Это что за хамство? Что за "мэриэннином"?

Андрей. Это Кэрролл, па. Алиса в стране чудес.

Игорь (*выпускает Андрея, задыхается*). Идиотство это.

Андрей. А раньше тебе нравилось... Знаешь, что самое поганое, па? Вот что хуже всего? Что – вообще кранты?

Игорь. Ну конечно! Что я не разделяю ваших с маман литературных пристрастий!

Андрей (*тоскливо*). Нет, па... не то. Что так быстро все оказалось. Будто тебя выключили и включили где-то в другом месте. И ты все позабыл, как здесь. Дверь за собой закрыл – и сразу забыл на фиг. Помнишь, как на старой квартире Иван Петрович в

ванную со своей лампочкой ходил? В комнате выворачивал, а в ванной вворачивал. А после наоборот: в ванной выдернет, в комнате включит. Помнишь?

Игорь. Ну было что-то такое...

Андрей. Ну вот. Я, еще когда мы в "Бронксе", сидели, понял. Я, такой, раньше думал: ну и фиг с ним, будешь ты в другом месте жить, но все равно и с матерью у вас не кот начхал, и я у вас еще... Как бы сын. А тут вижу: пролет, иначе все вышло. То ли тебе в один миг все стало параллельно, то ли ты такой чел... конкретный – и лишь то, что у тебя перед глазами, видишь. А чего не видишь, того просто нет. Будто бы и не было никогда, сечешь, па? И от этого такой в башке загон, ну, ощущение, что прошлое все – лажа. Что мы с матерью его насочиняли.

Игорь. Ну и воображение у тебя, сын!

Андрей. Наверно. Наверно, воображение. А еще, знаешь что? Другой загон, обратный: что тебя нет. Вот тогда в "Бронксе"... Сидим, балдеем, трем темы разные, а тебя нет.

Игорь. И куда ж это я делся, скажи на милость?

Андрей. Не знаю. Понимаешь, ты же был, па, но с тем же успехом там мог кто угодно сидеть. Любой другой мужик. То же перетирали бы. И ржали бы так же. И эта твоя... у него бы подмышкой мурлыкала...

Игорь. Вот ее, сын, не трожь.

Андрей. Все, понял-понял. Это святое.

Игорь (*с грустью*). Как будто для тебя может быть что-то святое... Подумаю иногда: кого мы с матерью вырастили, так прямо волосы на голове...

Андрей (*явно не слушая, перебивает*). А мать... Мать, знаешь что? Она не ест.

Игорь. В каком смысле?

Андрей. В прямом. Так, хлебнет кефира, бутер ухватит. Ну там яблоко иногда. И все. С нее в день по кило сходит. Реально – словно стекает с нее вес. И еще. Она всю дорогу у окна стоит. Я раньше думал, это она тебя ждет. А потом понял: ни фига она не ждет. Просто стоит. Откроет окно – и стоит. И бормочет что-то себе, бормочет...

Игорь. Ты думаешь...

Андрей (*зло*). Ничего я не думаю. Говорю, что вижу – и все тут. (*Резко*). А ты сегодня зачем?

Игорь. Что?

Андрей. Ну к нам зачем собирался?

Игорь. Подарки принести, новый год же... (*растерянно*). Забыл. Торопился сильно. Ну надо же – забыл! Ладно, потом подвезу. И денег вам хотел подкинуть.

Андрей. Ессно... Ты там, наверно, думаешь, что мы без тебя совсем обнищали... Облезлые, сирые и убогие...

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Звонок в дверь. Оба бегом, толкаясь, выбегают. Скрываются за кулисой, выходят на авансцену справа. Сейчас это лестница. На авансцене соседка Марья Демьяновна – немолодая, очень полная женщина во фланелевом халате.

Марья Демьяновна. Добрый денек, Игорек. Давно я тебя не видала. Добрый денек, Андрюша.

Андрей. Здравсьте.

Игорь. Добрый.

Марья Демьяновна. Я вот чего хотела. Вы с дому сегодня выходить собираетесь или что?

Андрей. Ну.

Игорь. Собираемся.

Марья Демьяновна. А в магазин вам не нужно?

Андрей. Нет, Марья Демьянна. В магазин мать пошла.

Игорь. Ждем вот.

Марья Демьяновна. А-а-а... Ну ждите-ждите. А я думала вы, может, собираетесь...

Андрей. Не собираемся.

Марья Демьяновна. А я думала, вы пойдете, так я... это... думала, что...

Марья Демьяновна разжимает ладонь, в ладони деньги.

Лифты наши опять стоят оба-двое. Спуститься, может, и спущусь, а вот подняться точно не подымусь. А мне вискаса надо ... И полчерного.

Андрей. Ладно, выскочу. Только не сейчас. Попозже.

Марья Демьяновна. Ничего-ничего. Мне и надо попозже, мне часика через два нужно, в самый раз – через два часика... И картошки еще три кило.

Дает Андрею деньги, собирается уходить, но внезапно останавливается. Видно, ей хочется поговорить.

А то моя Дуся мойву уж не жрет. Вискас трескает...

Игорь. И моя то...

Андрей. Па!

Марья Демьяновна. А тут еще такие дела... Уж и не знаю, как в магазин теперь-то ходить буду.

Андрей. Ничего, починят.

Марья Демьяновна. Да разве ж я про лифт!

Игорь. А что такое? Скользко?

Марья Демьяновна. Скользко-то скользко, так скользко – оно кажиный год скользко. Нет, не из-за скользоты. Из-за другого. *(Понижает голос)*. Из-за душегуба.

Игорь. Какого душегуба?

Андрей. Па, пошли.

Марья Демьяновна. Да обычного. Говорят, рецен... рецендивист...

Игорь. Рецидивист, наверно?

Марья Демьяновна *(радостно)*. Вот-вот. Я-то, трухлятина, новых слов уж и не выучу.

Игорь *(с легкой насмешкой)*. И что же он делает, этот рецидивист? Убивает?

Марья Демьяновна. Насчет, что убивает, не говорили. Врать не стану. Не к чему мне врать-то. А хоть бы и убил, все равно той жизни осталось с гулькин нос.

Игорь *(шутливо)*. Может, насилует?

Марья Демьяновна машет на него ладошкой.

Марья Демьяновна. Да ну тебя! Ну и сказанул! Бабке-то такое в уши залепил! Кому я нужна, Игоряша, меня сносить? Это девки пускай боятся, чтоб их не сносили! Которые голопупые в лифах разгуливают.

Игорь. Ну зачем вы на себя наговариваете, а, Марья Демьянна? Вы еще, можно сказать, ого-го... Вы еще молодущка.

Марья Демьяновна залиvisto смеется.

Андрей. Па, пошли!

Марья Демьяновна. Грабит он. С ножом во с такущим!

Показывает руками.

Игорь. Ну, Марья Демьяновна, это вы перегнули, это у вас уже не нож, это у вас прямо меч получается.

Андрей *(теряя терпение)*. Пап, я пошел... А ты если хочешь бабьи ужаски слушать...

Марья Демьяновна *(обиженно)*. И ничего не ужаски. И ничего не бабьи. Вон по телевизору пЕрдупреждали, картинку показывали, робот... Страшный такой, как неживой. И впрямь – робот. И главное дело, по нашему все району шныряет, медом ему тут намазано, в нашем районе... хитрый, на мужчинок-то, поди, не нападает, женщину подкараулит...

Андрей, который было направился к кулисе, резко оборачивается.

Она, значит, в лифт, и он, значит, за ей, на стоп жмет и нож к брюху – денюжки, мол, гони...

Игорь и Андрей переглядываются, на миг застывают. Свет на авансцене гаснет.

Голос Марьи Демьяновны. Так ты, Андрюш, не забудь, черного половинку, вискас и картошки три кило. И молочка пакет...

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Квартира Димона. Мать Димона сидит на полу. Вокруг раскиданы вещи. В руках у матери стакан.

Мать (*скулит*). Ой да что ж это такое... Хоссподи ты Боже мой! Я же старалась, я правда старалась... (*Всхлипывает*). Я хотела, чтобы всё... мамочки мои... ну в чем, в чем я, Хоссподи, а? Димочка, сынулька, как же это ... Сыночка мой родненький, что ж ты со мной делаешь, а? Что ты делаешь со мной, падла? (*Хватает трубку, нажимает на кнопку, ждет*). Молчишь? Ну молчи-молчи. Молчи! (*Запускает телефоном об стену, ползет за ним, поднимает, опять нажимает*). Гудит... (*Поднимает с пола куртку, хвастливо*). На антресоль захал, а я все равно! Глаз-алмаз (*Хихикает*). Да где ж еще, в нашей габаритке? Ну чем, чем она лучше той, синтипонной? Бирка не такая? Та бирка тебе что, рылом не вышла? А штанов-то штанов! На три жопы! (*Поднимает с пола джинсы*). "Ли" с "Ливайсом", страшное дело, я на своё "Ли" четыре зарплаты копила, сто восемьдесят рупчиков, как одна копеечка... Скоко ж оно сейчас? Скоко сейчас, я тя спрашиваю? Валька должна... Валька, она во всем в теме (*Берет трубку, но тут же бросает ее обратно на ковер*). Не-а. Фигушки! (*Хихикает*). Комсорг она, видишь. Я бы, может, лучше даже была. Комсорг, он чего? Строем ходит. Текст слов учит, ссука! А я-то, я... За всем пригляд, и журнал на мне, и дежурные (*Всхлипывает*). Все с дому тряпки стаскала! Мама ругалась... ой мамочка, на кого ж ты меня покинула, и пусть бы ты дальше ругалась, мамочка, билась бы... Тряпки. И соду! Одного мыла хозяйского пуд перетягала... Вот оно... прям как в басне Ивана Крылова... Баснеписца. Стрекоза и муравей. Хоссподи ты Боже мой, ну скажи ты мне неразумной рабе твоей, дитю твоему заблудшему... Ну зачем ты так устроил, чтобы одним все, а другим ничего, а? В басне, там небось, не так все кончается! Как же-как же... Вечная награда. Ну на что мне твоя награда, скажи, на что, когда то не я буду, а душа? А здесь, здесь-то, на земле нашей грешной, что, а? (*Поднимается, бежит и ударяется телом о стену, которая граничит с лифтом*).

Мне же мало надо. Я ж никогда об большом... Бантик, вишь ты, белый. А ему розовый подавай (*Смеется*). Боевую ему подавай! Принципиальную! А если всю жизнь

муравьем... Я же тоже для чего-то нужная, Димочка, сына, хоть для тебя... Я ж никогда... Я же всегда...

Неисповедимые, говоришь?... А мне бы, Хоссподи, мне бы хоть чуток, чтоб споведимые... (*Пьет из стакана*). Кошки с мышками... Поманит – кинет, поманит – и снова обратно кинет. Зачем? (*Встает, спрашивает почти спокойно*). Зачем дразнишься, Хоссподи? (*Снова с размаху ударяется о стену, сползает на пол*). Димка, сыночка, ответь... Молчишь, сволочь?

Входит Лена.

Лена. Теть Свет... (*Садится на корточки*). Теть Свет, вы чего?... (*Вздыхает, гладит Мать Димона по голове, обнимает ее, взрослым материнским голосом*). А мы ничего, мы сейчас в душик сходим, после спатки ляжем, а я уберусь тут покуда...

Мать колотит кулаками по стене.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Освещена вся сцена. Мать Димона у стены. Лена тихо прибирает в комнате. Анна и Димон в лифте, оба ослабели, у них нет сил пикироваться. Квартира Анны пуста. Мать Димона колотит кулаками по стене. В лифте в такт ее движениям – жужжание мобильного (зрителю должно быть ясно, что в реальности это Мать набирает его номер).

Анна. Подними.

Димон молчит, съезжившись.

Мать пожалей.

Димон. Уже пожалел.

Анна. Твоя правда.

Димон. Ну чего, чего я ей скажу?

Анна. Что скоро приедешь домой. Что все объяснишь.

Димон. И чего я ей объясню?

Анна. Наплети то же, что и девочке. Ну той, у которой с математикой нелады. Как ее зовут-то?

Димон. Леной.

Анна. Хорошее имя. А мать?

Димон. Зачем вам?

Анна. Не знаю. Интересно. Я тут как-то с ними... сроднилась.

Димон. Светланой.

Анна. Я в детстве жалела, что меня Светланой не назвали. Хотя правильно. Какая я, в сущности, Светлана?

Димон. Так чего плести-то?

Анна. Ну, как я поняла... ты Лене сказал, что наружную рекламу вешаешь.

Димон. С матерью не пойдет.

Анна. Почему?

Димон. Я высоты боюсь. Мать знает.

Анна. А я – лифта.

Димон (*оживляясь*). Вы чё это? Серьезно?

Анна. Серьезней некуда.

Димон. А по вам не скажешь.

Анна. На том стоим.

Димон. Это потому что терять нечего?

Анна внимательно смотрит на Димона.

Анна. Наверно. Хотя... Знаешь, смешная вещь получается. Ведь ничего уже не боюсь. А лифта боюсь. Ты когда кнопку нажал, и он остановился, я подумала: все, конец. Не то, чтобы мне конец, а что вообще конец. Всему. Как радиация, понимаешь?

Димон. Не-а.

Анна. Ну да, со мной разве поймешь? Муж говорил, что я девочка наоборот.

Димон. А почему "говорил"? Чё, сейчас уже не говорит?

Анна. Потому, что кончается на "У".

Димон. Ясно.

Анна. Ну что, что тебе ясно?

Димон. Да все. Тут.. это... и ежику понятно... Непохожие вы на жену.

Мать Димона, до сих пор какое-то время сидевшая тихо, колотит по стене. У Димона жужжит мобильник.

Анна. Ответь.

Димон. Наш тоже свалил.

Анна. Давно?

Димон. Давно. А ваш что, недавно?

Анна. Недавно.

Димон. А минералка зачем?

Анна. Он приходит... иногда. Очень иногда.

Димон. Сына повидать?

Анна. Наверно.

Димон. Небось, подарки приносит?

Анна. Бывает.

Димон. И деньги?

Анна. И деньги.

Димон. Везет же некоторым.

Анна. Везет.

Механический голос. Лифт, вы на месте? Вы стоите там?

Димон (*шепотом*). Тупит тетка. Где ж нам еще...

Механический голос. Лифт, вы меня слышите? Слышите? (*Дует в переговорное устройство.*) Аварийная приехала.

Димон. Оба-на...

Анна. Ты, главное, не бойся.

В квартиру Анны врываются Андрей и Игорь. Игорь растрепанный, взъерошенный, от его вальяжности не осталось и следа. Андрей прижимается ухом к стене, отгораживающей комнату от лифта.

Игорь. Ну что там?

Андрей. Вроде, шебуршится что-то.

В квартире Димона Мать колотит по стене. В лифте жужжит телефон.

Па, там трубка на виброзвонке.

В лифте Димон подносит к уху трубку.

Димон. Але.

Мать Димона (*у себя в комнате*). Димочка...

Димон. Ма, ты это... не волнуйся. Занят я. Приеду – все объясню.

Голоса. "Ага", "Ты держи ее, держи", "Тяжелая, блин", "Включай"... Скрежет, жужжание. Потом сильный металлический стук.

Анна. Ну вот и все.

Андрей. Мама! Па, там мама! Голос ее... Мама!

Игорь. Что? Что говорит?

Андрей. Не слышно! Мама!

Димон (*шепотом*). Молчите!

Анна прижимается к стене, улыбается.

Игорь. Нюшка! Нюшенька!

Андрей (*кричит, колотит в стену*). Мама! Ма, тут аварийка! Аварийка приехала!

Ма, ты слышишь?

Игорь. Ньюша, ты там... одна? Или... не одна? Так вот, если не одна, так чтоб он там знал: мы милицию вызвали! Ми-ли-ци-ю!

Димон (*вскакивает*). Откуда? Как они?... Вы же говорили...

Анна (*растерянно*). Я не знаю...

Игорь. Ты не волнуйся, Ньюша. Они едут уже, едут!

Анна (*негромко, Димону*). Ты погоди, я сейчас что-нибудь...

Димон. Молчите!

Мать Димона опять колотит в стену. Жужжит мобильник.

Андрей (*бьет в стену*). Ма, ты в порядке, ма? Ответь, ты в порядке?

Анна (*Димону*). Ты, главное, не бойся. Сейчас я что-нибудь приду...

Андрей. Мама!

Димон. Молчите!

Анна встает. На ее лице улыбка. Голос сильный, спокойный.

Анна (*громко*). Мои родные! Все хоро...

Димон сильно бьет Анну ножом. Анна вываливается из лифта, на мгновение удерживается на ногах, цепляясь за стену.

Анна. Все хорошо...

Падает. Свет гаснет.

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

В темноте.

Голос маленького Андрея. Ма, а все умрут?

Голос Анны. Все.

Голос Андрея. А я?

Голос Анны. А ты нет.

Голос Андрея. Почему?

Голос Анны. Потому, что кончается на "У".

Голос Андрей. Ма, так нечестно... Ну почему?

Голос Анны. Потому что тогда уже изобретут лекарство от смерти.

Голос Андрея. А если не изобретут?

Голос Анны. Изобретут. Спи.

Голос Андрея. А для тебя тоже изобретут?

Голос Анны. Для меня? Для меня, наверно, не успеют.

Голос Андрея. И ты умрешь?

Голос Анны. Скорее всего.

Голос Андрея. Навсегда?

Голос Анны. Я не знаю.

Голос Андрея. А умирать страшно?

Голос Анны. Не знаю. Не думаю. Может быть, даже интересно.

Голос Андрея. А ты еще не завтра умрешь?

Голос Анны. Не завтра.

Голос Андрея. Не скоро?

Голос Анны. Не скоро.

Голос Андрея. Почти никогда?

Голос Анны. Почти никогда.

Голос Андрея. Ма, а когда ты умрешь, ты меня не забудешь?

Голос Анны. Не забуду. Спи. *(Напевает)*.

Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю...

К голосу Анны присоединяется еще один женский голос. Поют:

Тихо светит месяц ясный в колыбель твою.

Зажигается неяркий свет ночника. Из разных концов сцены идут Анна и Мать Димона с распущенными волосами, в ночных рубашках. Поют. Останавливаются посреди сцены. Сбоку подходят Димон и Андрей, потом Лена и Игорь, потом Дядя Коля и Марья Демьяновна.

Механический голос. Лифт, вы слышите меня лифт? Сейчас вас запустят.

Звук трогаящегося лифта.

Занавес

Декабрь 2009 года.

